

«Анабасис» Ксенофонта¹

Штраус Л.

Аннотация: В конце жизни Лео Штраус (1899–1973) стал все больше внимания уделять раскрытию своей интерпретации философии ученика Сократа — Ксенофонта Афинского. В 1969–70-х годах в Колледже Св. Джона он дает курс лекций по «Экономике» и «Меморабилиям» Ксенофонта и по его следам выпускает две своих последних прижизненных книги «Сократический дискурс Ксенофонта» («Xenophon's Socratic Discourse. An Interpretation of the "Oeconomicus"», 1970), посвященный интерпретации «Экономики», и «Ксенофонт Сократ» («Xenophon's Socrates», 1972), посвященный интерпретации «Меморабилий», «Апологии» и «Пира». Однако на этом Штраус не останавливается. Желая завершить свое исследование, он обращается к «Анабасису», начиная готовить соответствующую статью. Однако не успевает ее опубликовать. Она выходит уже посмертно в 1975 году благодаря усилиям учеников философа. Именно ее вы видите перед своими глазами. Эта статья, в уже привычном для Штрауса стиле, выглядит словно последовательный сокращенный пересказ «Анабасиса» Ксенофонта, в который то тут, то там вкраплены ценные замечания и выводы. Однако на деле этот энigmatичный стиль рассуждения Штрауса дает ключи к пониманию философии Ксенофонта, позволяющие даже в таком «историческом романе», как «Анабасис», увидеть подлинно философское произведение, поднимающее классические для античной философии проблемы человеческого правления, человеческой добродетели и божественного вмешательства.

Ключевые слова: Лео Штраус, Сократ, Ксенофонт, монархия, добродетель, война.

«Анабасис» Ксенофонта, как кажется, общепризнанно считается сегодня самой красивой его книгой. С этим суждением я не спорю. Я лишь хочу узнать, каковы его основания. Вопрос этот, очевидно, резонен. В XVIII веке разумные люди скорее бы поставили на первое место «Меморабилии», а не «Анабасис». Иными словами, тот факт, что мы считаем «Анабасис» самым красивым произведением Ксенофонта, еще не доказывает, что сам Ксенофонт разделял эту точку зрения. Перед тем как согласиться или не согласиться с царящим по этому вопросу мнением, нам бы пришлось узнать, что эта книга значила для самого Ксенофонта, нам бы пришлось узнать, каковы ее место и роль в корпусе его сочинений, и вместе с тем, возможно, познать всю красоту «Анабасиса». Может статься, мы уже невольно и неосмотрительно, пусть и правдиво, ответили на этот вопрос, сказав об «Анабасисе» Ксенофонта, о восхождении Ксенофонта.

¹ Перевод по: Strauss L. Xenophon's Anabasis // Interpretation: A Journal of Political Philosophy. — 1975. Vol. 4, № 3. — Pp. 117–147. Переводчик выражает искреннюю благодарность Тимоти Бернсу за любезное разрешение опубликовать данную статью.

Подлинный заголовок этой книги гласит «Восхождение Кира», т. е. поход Кира Младшего от побережья Малой Азии вглубь континента. Этот заголовок обманывает читателя, ибо восхождение Кира закончилось в битве при Кунаксе, в ходе которой он потерпел поражение и пал. Повествование о его восхождении в лучшем случае занимает первую из семи книг «Анабасиса». Заглавие «Анабасиса» — не единственное заглавие среди работ Ксенофонта, обманывающее читателей: «Киропедия» («Обучение Кира») касается всей его жизни, в то время как его обучение обсуждается лишь в первой книге, «Меморабиллий» содержат воспоминания Ксенофонта о справедливости Сократа, а не памятные события жизни Ксенофонта как таковые.

«Анабасис» начинается со слов: «У Дария и Парисатиды было два сына: старший Артаксеркс и младший Кир»². Труд начинается так, словно он посвящен памятному событию в жизни персидской царской семьи. Такое начало показывает нам, что Персия, кажущаяся государством с сильной монархией, на самом деле была диархией, в которой любовь царицы к своему младшему сыну имела серьезнейшие последствия. Но хотя «Анабасис» многое говорит нам о Персии, о самой царской семье книга не говорит почти ничего. Все же нельзя сказать, будто она посвящена Персии или даже греко-персидскому конфликту, иначе как по случаю.

Сколь бы ни были запутывающими и даже вводящими в заблуждение заглавие и начало «Анабасиса», сама личность автора не менее загадочна. Когда Ксенофонт в своем историческом труде «Гелленика» максимально кратко суммирует события, изложенные в «Анабасисе», он приписывает повествование о них сиракусянину Фемистогену³. О Фемистогене неизвестно ничего, включая и то, был ли он вообще. Это подталкивает предположить, что сиракусянин Фемистоген является псевдонимом афинянина Ксенофонта. В «Анабасисе» Ксенофонт рассказывает о своих выдающихся деяниях и речах только от третьего лица. Очевидно, он хочет максимально дистанцироваться от повествования. Сиракузы и Афины были самыми выдающимися торговыми и морскими греческими державами. Имя Ксенофонт может означать «убийца чужаков», в то время как имя Фемистоген означает «потомок права». Фемистоген может показаться в каком-то смысле идеализацией Ксенофонта. В том же контексте, в котором он упоминает Фемистогена, Ксенофонт упоминает имя спартанского адмирала, которому эфоры приказали помогать Киру в его экспедиции. Имя ему — Самий. Когда Ксенофонт упоминает Самия в «Анабасисе»⁴, то называет его Пифагор. Неудивительно, что автор «Меморабиллий», услышав имя Самий, сразу же подумал бы о самом знаменитом самосском философе — Пифагоре.

В «Анабасисе» фигура самого Ксенофонта выходит на первый план только к началу третьей книги. Но сначала давайте посмотрим, что мы узнаем о нем и его намерениях из первых двух книг, обратившись к анализу особенностей его стиля письма. Можно ожидать, он расскажет все необходимое для прояснения причины и обстоятельств похода Кира, но маловероятно, что он воздержится от упоминания того, что привлекало его внимание в связи с этим походом, хотя и не касалось похода напрямую. И все же не

² Ксенофонт. Анабасис. I, 1, 1.

³ Ксенофонт. Гелленика. III, 1, 2.

⁴ Ксенофонт. Анабасис. I, 4, 2.

ясно, не было ли связано, в частности, то, что он говорит о фауне и флоре тех местностей, через которые проходил маршрут похода, с его заинтересованностью в обеспечении армии провизией.

Дабы защитить себя от опалы и даже смертельной опасности, исходящей от собственного брата — персидского царя, который с недоверием начал к нему относиться, Кир решил отнять у него корону. Для этого он тайно собрал армию из разных контингентов греческих наемников, не говоря уже о тех персидских войсках, что были отданы ему под командование его же братом. Для продвижения вглубь страны он нашел предлог, казавшийся благовидным царю, но не внушавший доверия лояльному царскому сатрапу Тиссаферну. В качестве наиболее важных остановок на пути армии Кира Ксенофонт упоминает города, описываемые им по стандартной формуле, допускающей различные характерные вариации. Первые упомянутые города являются «многолюдными, богатыми и большими». В данном контексте⁵ эта стандартная фраза повторяется трижды, в то время как описание городов в качестве «многолюдных», но без дополнения в виде «больших и богатых», повторяется пять раз. Один раз описываемый город просто называется «пограничным городом Фригии»⁶. Что все это значит, проясняется описанием Тарсоса как большого и богатого города. Как сказано сразу после этого, Тарсос не был многолюдным, его жители бежали при приближении армии Кира. В случае же пограничного фригийского города можно задаться вопросом: а не был ли он пуст еще даже до того, как распространились слухи о приближении Кира? Ясно одно: эта стандартная фраза описывает нормальное или оптимальное положение дел. Ее вариации показывают различные отклонения от нормы. Из этого следует, что Ксенофону по большей части не надо было специально останавливаться на проблемах или что общий тон его повествования мягче, нежнее, чем он мог бы быть. Ксенофонт позволяет или принуждает себя по максимуму говорить положительными, а не отрицательными терминами.

Многолюдный, богатый и большой город — это первый, сам по себе довольно важный пример практики, имеющей большое значение. Давайте прежде всего подумаем о добродетелях. Несколько раз Ксенофонт приводит списки добродетелей. Из этих списков легко можно создать всеобъемлющий список Ксенофоновых добродетелей. Описывая человека, не выдающегося во всех отношениях, но заслуживающего похвалы, Ксенофону было достаточно не упоминать тех добродетелей, которыми описываемый не обладал, ему не нужно было открыто говорить о его недостатке или недостатках. В данном контексте мы упомянем лишь о том, что в панегирике Киру Ксенофонт ни слова не говорит о его благочестии⁷.

Второй прием Ксенофонта, который теперь следует обсудить, — это использование *legetai* (о нем, ней, этом говорят...). Ведь есть же разница, говорят ли о человеке, что он обладает некими качествами, или он действительно ими обладает. Артаксеркс и Кир названы сыновьями Дария и Парисатиды. Когда Ксенофонт рассказывает о родителях Кира Старшего в «Киропедии»⁸, он заявляет, что о Кире говорят, будто он был сыном

⁵ Ксенофонт. Анабасис. I, 2.

⁶ Там же. I, 2, 19.

⁷ Там же. I, 9.

⁸ Ксенофонт. Киропедия. I, 2, 1.

Камбиса, и что всем известно, что его матерью была Мандана. Было ли отцовство Дария более обоснованным, нежели отцовство Камбиса? И на каких основаниях? И проясняет ли это привязанность Паристрады к Киру? Мы не знаем. Нам не нужно доискиваться причины, по которой говорилось, будто Кир сошелся с Эпиаксой, женой киликийского царя⁹. Когда Ксенофонт упоминает о городе, расположенном у реки Марсий, то пишет: «Там, говорят, Аполлон снял кожу с Марсия, одержав над ним победу в музыкальном соревновании, и повесил ее в пещере, откуда берут свое начало истоки (реки Марсий)... Рассказывают, будто Ксеркс, возвращаясь из Эллады после понесенного там поражения, построил этот дворец и акрополь»¹⁰. В этом отрывке Ксенофонт обращается с мифической и немифической историями как одинаково заслуживающими или не заслуживающими доверия. Конфликт между Аполлоном и Марсием по глупости вызвал последний, получив за это заслуженное наказание. Конфликт между Ксерксом и греками по глупости вызвал первый, и он был наказан куда мягче: причиной конфликта между Ксерксом и греками была не мудрость. Похожий подход к этим двум историям привлекает наше внимание к широкой, в некотором смысле, всеохватывающей теме «богов и людей». И все же не совсем всеохватывающей и точно не всеисчерпывающей, из-за сомнительности «богов». К примеру, есть «большие ручные рыбы, которых сирийцы почитают богами и не позволяют истреблять»¹¹, — разве боги сирийцев считаются богами и у греков? Или же только те боги подлинны, о которых греки говорят как о подлинных? И считает ли их таковыми сам Ксенофонт? Конечно, между греками и персами есть крайне важное согласие в этих вопросах, в частности, касающееся жертв и клятв¹². Конфликт между греками и персами после смерти Кира разворачивается именно вокруг вопроса, какая из двух сторон нарушила клятвенный договор. Обращаясь к Тиссаферну, греческий генерал Клеарх считает само собой разумеющимся согласие обеих сторон в вопросе святости клятв и ее основания — всеобщего правления богов¹³. Когда армия Кира успешно пересекла Евфрат вброд, местные жители восприняли это как божественное знамение, ведь река, очевидно, расступилась перед Киrom, признав его будущим царем. Это знамение оказалось ложным, так же как и толкование Киrom предсказаний нанятого им греческого прорицателя¹⁴.

Все, что мы сейчас изложили или обозначили, соединяется в конце второй книги. Ксенофонт уже рассказал, как большинство греческих генералов (*strategoï*) и немало греческих капитанов (*lochagoï*) были предательски убиты персами, и теперь приступил к описанию характеров убитых командующих. Один из них, Менон-фессалиец, оказывается невероятно порочным человеком: он не только был обманщиком, лжецом и клятвопреступником, но и гордился этим, насмехаясь над теми, кто пал жертвой указанных качеств. Именно он в критической ситуации предопределил судьбу своих

⁹ Ксенофонт. Анабасис. I, 2, 12.

¹⁰ Там же. I, 2, 8–9.

¹¹ Там же. I, 4, 9.

¹² Там же. I, 8, 16–17; II, 2, 9.

¹³ Там же. II, 5, 7, 20–21, 39.

¹⁴ Там же. I, 4, 18; I, 7, 18–19.

соотечественников последовать за Киром против царя¹⁵. Он был другом и гостеприемцем Ариея — начальника над персидскими войсками Кира, который после смерти своего господина передал греческое войско в руки персидского царя¹⁶. Во всяком случае, Клеарх подозревал Менона в выдаче персам своих товарищей командующих, в то время как Арией перекладывает всю ответственность за предательство на к тому моменту уже убитого Клеарха, утверждая при этом, что Менон и Проксен, разоблачившие замысел Клеарха, пожалованы за это царем¹⁷. Как бы то ни было, Ксенофонт заканчивает свое описание Менона следующими словами: «Когда погибли его товарищи-стратеги за то, что вместе с Киром отправились в поход против царя, он, совершивший то же самое, уцелел. Но он был казнен по приказанию царя после смерти других стратегов и не так, как Клеарх и его товарищи, путем отсечения головы, что считается самым скорым видом смерти; говорят, он окончил свою жизнь как злодей, в течение года подвергаясь мучениям»¹⁸. Наиболее жестоко персидский царь расправился с тем греческим генералом, чье преступление, чье клятвопреступничество, чье нарушение торжественных обещаний больше всего помогло ему самому. Менон был наказан за свою нечестивость не каким-то богом, а человеком, получившим выгоду от его преступления. Правда, так лишь «говорят». Достаточно заметить, что в случае остальных убитых генералов Ксенофонт указывает, каков был их возраст на момент смерти, он ничего не говорит о возрасте Менона. Подразумеваемая справедливость или высокодуховность персидского царя столь же достоверна, как и божественное наказание за клятвопреступничество. Посредством указанной фразы «говорят» Ксенофонту удается представить события — представить все, представить «мир» — грандиознее и лучше, чем они есть на самом деле¹⁹, в то же время показывая разницу между голой правдой и приукрашиванием. Тем самым Ксенофонт преуспел не в смягчении своего жестокого порицания Менона (каковой могла бы быть цель такого смягчения?), а в описании всего скорее через восхваление, нежели через порицание.

Немного преувеличив, можно сказать, что вторая книга кончается рассказом о Меноне, а третья начинается с выхода на сцену самого Ксенофонта. Как бы то ни было, конец второй книги и начало третьей читаются так, словно они должны были показать контраст между Меноном и Ксенофонтом, между архизлодеем и героем. Но действительно ли Менон служит в «Анабасисе» контрастом для Ксенофонта, еще только предстоит выяснить.

При первом перечислении греческих контингентов армии Кира Ксенофонт упоминает генералов, ими руководящих, в следующем порядке: 1) лакедемонянин Клеарх, 2) Аристипп-фессалиец, 3) Проксен-беотиец, 4) стимфолиец Софенет и ахеец Сократ²⁰. В этом списке нет Менона, так как он присоединился к походу Кира уже после начала продвижения вглубь страны²¹. В любом случае, можно сказать, что контингент под

¹⁵ Там же. I, 4, 13–17.

¹⁶ Там же. II, 1, 5; 2, 1; 4, 15.

¹⁷ Ксенофонт. Анабасис. II, 5, 28, 38.

¹⁸ Там же. II, 6, 29.

¹⁹ Ср. Фукидид. История. I, 21, 1.

²⁰ Ксенофонт. Анабасис. I, 1, 9–11.

²¹ Там же. I, 2, 6.

руководством Проксена, и потому сам Проксен находится в центре этого списка. Описывая характеры греческих генералов в конце второй книги, Ксенофонт подробно говорит только о трех из них: Клеархе, Проксене и Меноне²². Проксен снова находится в центре. Почему Проксен заслуживает такого места?

Давайте теперь посмотрим, что мы узнаем из первых двух книг о самом Ксенофонте. Несомненно, что «я», о котором говорится, что он сказал, или написал, или подумал нечто в «Анабасисе»²³, исключая цитаты из речей, явно приписанных Ксенофонту, не может, при наличии уважения к автору, отождествляться с Ксенофонтом, но только с сиракусянином Фемистогеном. Фигура самого Ксенофонта появляется в первых двух книгах трижды. В первый раз он приближается к Киру, который, проезжая мимо на лошади, осматривает свое и вражье войско и спрашивает, не будет ли от него какого приказа. Кир приказывает ему оповестить всех, что жертвы благоприятны и что внутренности жертвенных животных не деформированы. Ксенофонту также удачно удалось удовлетворить любопытство Кира касательно подобного вопроса²⁴. Этот разговор важен не столько потому, что он происходит незадолго до роковой битвы, сколько потому, что это единственная записанная Ксенофонтом беседа между ним и Киром, точно так же, как и в «Меморабилиях» есть только одна беседа между ним и Сократом. Первая касается жертв, последняя касается опасностей, присущих целованию красивых мальчиков. Появляясь в «Анабасисе» второй раз, Ксенофонт оказывается в компании Проксена²⁵. Появляясь в третий раз, он оказывается в компании двух других генералов²⁶. В центральном примере Проксен снова каким-то образом оказывается в центре.

Но мы ни в коем случае не должны забыть о месте, в котором Ксенофонт появляется, пусть и не упомянутый по имени, но точно подразумеваемый. После сражения при Кунаксе, когда Кир уже пал, а его греческие наемники одержали победу, персидский царь с требованием сложить оружие послал к ним гонцов, одним из которых был греческий предатель Фалин. Главным переговорщиком от греков выступил афинянин Феопомп, который объясняет Фалину, что то хорошее, что у греков осталось, — это оружие и добродетель, но от добродетели не было бы никакой пользы без оружия. Зато с оружием они могли бы даже сразиться с персами за то хорошее, что есть у тех. Когда Фалин это услышал, он засмеялся и сказал: «Юноша, ты едва ли не философ, и слова твои не лишены приятности»²⁷. Утверждение Феопомпа схоже с одной из самых известных нам фраз Аристотеля: добродетель, особенно моральная, нуждается во внешних благах²⁸. Почему Ксенофонт должен на мгновение появиться под маской Феопомпа («посланного богом»), вскоре станет ясно.

После казни своих генералов и многих капитанов греки, поняв, в какой ситуации они оказались, впали в уныние. Лишь некоторые из них нашли силы поесть, разжечь

²² Там же. II, 6.

²³ Ксенофонт. Анабасис. I, 2, 5; 9, 22, 28; II, 3, 1; 6, 6.

²⁴ Там же. I, 8, 15–17.

²⁵ Там же. II, 4, 15.

²⁶ Там же. II, 5, 37, 41.

²⁷ Там же. II, I, 13–14.

²⁸ Аристотель. Никомахова этика. 1178а, 23–25; 1177а, 27–34; ср. Ксенофонт. Меморабилии. I, 6, 10; Ксенофонт. Экономика. II, 1–4.

огонь или вернуться в лагерь. Но, несмотря на это или именно поэтому, все они решили заночевать там же, где находились — за одним лишь исключением: «Однако в армии находился некий Ксенофонт-афинянин, который сопровождал войско, хотя он не состоял ни стратегом, ни лохагом, ни солдатом. Он покинул отчизну по приглашению Проксена, своего старинного приятеля. Тот обещал, в случае приезда Ксенофонта, подружить его с Киром, а последний, по словам Проксена, дорожке для него отчизны»²⁹. Теперь мы начинаем понимать, почему ранее Проксену доставалось центральное положение: именно он предложил Ксенофонту присоединиться к армии Кира³⁰. Получается, что Проксен не был безоговорочно привязан ни к Беотии, ни, раз уж на то пошло, к Греции. В некотором смысле у него не было корней. Очевидно, он не сомневался в том, что Ксенофонт также не был безоговорочно привязан к Афинам или даже к Греции, что он тоже в некотором смысле был лишен корней, хотя он и не говорит, почему. Кого или что любил Проксен? С юности он желал стать человеком, способным на великие поступки, и потому платил за обучение Горгию Леонтийскому. Поучившись у Горгия, он посчитал, что теперь способен и на то, чтобы повелевать, и на то, чтобы водить дружбу с лучшими людьми, не уступая им в плате за блага, от них полученные. С таким настроением он и присоединился к Киру. Через свою службу Киру он надеялся обрести великую славу, великую власть и большое богатство. Но, очевидно, он хотел заполучить все это лишь справедливым и благородным образом. Он и вправду был способен повелевать хорошо воспитанными людьми, но был не способен вселять в солдат страх и трепет перед самим собой. Он, очевидно, боялся стать ненавистным своим солдатам. Он полагал, что для того, чтобы быть и считаться хорошим руководителем, достаточно хвалить за хорошие поступки и не хвалить за несправедливые³¹. Проксен и Ксенофонт, в отличие от Менона и даже Клеарха, были хорошо воспитанными людьми. Проксена, кажется, куда сильнее привлекало благородное завоевание славы, великой власти и великого богатства в любой точке мира, чем его родина. Ксенофонт, будучи куда жестче, явно отличается от Проксена хитростью и находчивостью. Так и подталкивает проследить это различие к различию между их учителями — Горгием и Сократом. Однако Горгий также приходится учителем Менону. Эту трудность не разрешить, завив, что Сократ был философом, а Горгий — софистом, ибо откуда же нам известно, что Ксенофонт или Сократ, им описанный, считали Горгия софистом?³² Однако вот что можно сказать наверняка: указанное различие между Проксеном и Ксенофонтом, скорее всего, связано с тем, что Ксенофонт был знаком с Сократом. Должны ли мы в таком случае рассматривать Ксенофонта — Ксенофонта как он представлен в «Анабасисе» — в свете фигуры Сократа?

Когда Ксенофонт прочел письмо от Проксена, он поговорил с Сократом-афинянином насчет своего отбытия (Сократ тут зовется «Сократом-афинянином», потому что Ксенофонт-афинянин не является автором «Анабасиса»). Ксенофонт, очевидно, было известно обо всей серьезности обдумываемого им шага, и потому он искал совета человека старше и мудрее его самого. Сократ подозревал, что Ксенофонт может оказаться в немилости у города, если станет другом Кира, так как считалось, что Кир был рьяным

²⁹ Ксенофонт. Анабасис. III, 1, 4.

³⁰ Ксенофонт. Анабасис. III, 1, 1–4.

³¹ Там же. II, 6, 16–20.

³² Ср. Платон. Менон. 70a5–b2, 95b9–c7; Платон. Горгий. 465c1–5.

сторонником спартанцев во время Пелопоннесской войны. Но, конечно, наверняка он этого не знал. Не помог ему и его демон или, если помог, то это все равно ничего не значило для города, не говоря уже о том, что суждения самого демона могли быть оспорены³³. А потому он посоветовал Ксенофону отправиться в Дельфы и испросить бога о своем путешествии. Ксенофонт последовал этому совету и спросил Аполлона, какому богу он должен принести жертву и помолиться, чтобы воплотить задуманное путешествие благороднейшим и наилучшим образом и, совершив множество благородных дел, благополучно вернуться. Аполлон ответил ему, каким богам он должен принести жертвы. Ксенофонт не говорит нам, почему Аполлон не назвал ему бога или богов, которым тот должен был помолиться. По возвращении в Афины он сразу же рассказал все Сократу. Сократ был ошеломлен: вместо того, чтобы сначала спросить бога, что было бы для него лучше, отправиться в путешествие или остаться в Афинах, он самостоятельно решил отправиться, а бога спросил лишь о том, как совершить свое путешествие наиболее благородным образом. Должно быть, Ксенофону показалось, что на вопрос о том, было ли достижение дружбы с Киром само по себе желаемым и, в частности, стоило ли принимать во внимание реакцию Афин на его такое поведение, он в силах ответить и без посторонней помощи, но ни одному человеку не дано знать, пойдет ли это путешествие на пользу Ксенофону³⁴. Может быть, Ксенофонт, в отличие от Сократа, недооценил уровень враждебности реакции Афин на его присоединение к Киру. Сократ лишь ответил, что раз уж Ксенофонт задал богу только второй или второстепенный вопрос, то ему следует повиноваться его повелению. Поэтому Ксенофонт принес жертву указанным Аполлоном богам и покинул Афины³⁵: он ничего не говорит о молитвах, так же как и Аполлон.

Согласия и разногласия между Ксенофонтом и Сократом относительно оракула заставляют нас вернуться к вопросу о том, должно ли понимать Ксенофонта, представленного в «Анабасисе», в свете Сократа, иными словами, в чем именно заключается разница между ними. Ксенофонт был человеком действия: он занимался политикой, в общепринятом смысле этого слова, а Сократ ею не занимался; но Сократ учил своих спутников политике, уделяя особое внимание стратегии и тактике³⁶. Как это различие отражается на самом поверхностном практическом уровне, становится видно, когда мы вспоминаем о трех целях, столь благородно преследуемых Проксеном: великая слава, великая власть и большое богатство. Как нам известно, Сократ был очень беден, но доволен своим положением. Что же до Ксенофонта, то, вернувшись из похода Кира, он оказался в очень благоприятном положении³⁷. Это доказывает, что он успешно применял искусство экономики, в общепринятом смысле этого слова. Но это же подразумевает, что Ксенофонт, в отличие от Сократа, жаждал богатства, конечно же — только умеренного и добытого благородным путем богатства. В этом смысле он напоминает не Сократа, а Исхомаха, обучившего Сократа искусству экономики, которое сам Сократ не практиковал. Ксенофонт также наводит нас на мысль о своем современнике и друге

³³ Ср. Платон. Феаг. 128d8–e6.

³⁴ Ср. Ксенофонт. Меморабиллии. I, 1, 6–8; Ксенофонт. Гелленика. VII, 1, 27.

³⁵ Ксенофонт. Анабасис. III, I, 5–8.

³⁶ Ксенофонт. Меморабиллии. I, 2, 16–17; 6, 15; III, 1.

³⁷ Ксенофонт. Анабасис. V, 3, 7–10.

Критобуле, которого Сократ пытался обучить искусству экономики, правда, в данном случае Ксенофонт умалчивает, удалось ли Сократу чему-либо научить Критобула³⁸. Мы едва ли слишком сильно преувеличим, сказав, что принцип, выделяющий Ксенофонта в «Анабасисе», становится ясным с помощью контраста между ним и Сократом, а не с помощью контраста между ним и Проксеном, не говоря уже о Меноне.

Кир обманул и Ксенофонта, и Проксена относительно целей своего похода. Помимо Клеарха — самого прославленного генерала среди его подчиненных, — Кир никому и словом не обмолвился о своем плане свергнуть или убить царя. Но после того как его армия оказалась в Киликии, все поняли, что этот поход направлен именно против царя. И все же большинство греков — и Ксенофонт в том числе — остались с Киrom, из-за стыда друг перед другом или перед ним самим. После предательства персов Ксенофонт отчаялся не меньше других, но затем во время короткого отдыха ему явился удивительный сон. Снилось ему, что молния ударила в отцовский дом и подожгла его так, что никто не смог спастись. С одной стороны, этот сон был успокаивающим: Ксенофонт узрел великий свет Зевса. Но, с другой стороны, Зевс является царем, и через сон он мог указать на то, что ожидало тех, кто посмел напасть на царя Персии³⁹. Сон этот привел Ксенофонта, и только его одного, в чувство: ему следует немедленно что-нибудь предпринять. Он встает и первым делом созывает капитанов Проксена. Он обращается к ним с цитируемой полностью речью, в которой ясно и четко описывает как опасности, грозящие грекам, так и преимущества, открывшиеся после предательства персов: грекам более не надо соблюдать договора, теперь они могут справедливо забрать у персов все, что только пожелают, и каким угодно образом. Судьями в борьбе с персами являются боги, которые, разумно предположить, встанут на сторону греков. Ибо клятвы были нарушены персами, греки же строго их придерживались. В своей речи Ксенофонт упоминает богов пять раз. Он заканчивает ее, обещая капитанам, что готов им помочь и даже больше: если они хотят, чтобы он их возглавил, то он не станет использовать свою молодость в качестве предлога для отказа. Естественно, его избирают начальником, т. е. преемником Проксена, единогласным решением всех капитанов, являвшихся греками⁴⁰. Таково начало восхождения Ксенофонта: с помощью одной речи, произнесенной в подходящий момент и подходящим образом, он, бывший никем, стал генералом.

После этого капитаны Проксена созвали вместе всех генералов и других командиров, переживших резню. Ксенофонта, представленного старейшим из Проксеновых капитанов, просят сказать теперь уже более серьезному собранию то же, что он говорил капитанам Проксена. Но он не просто пересказывает свою речь. Вторая его речь снова приводится целиком. Теперь он подчеркивает, что спасение греков целиком зависит от настроения и поведения командующих. Они должны вести себя так, чтобы быть примером для солдат. А потому в первую очередь надо заменить убитых начальников. Ибо все, особенно на войне, зависит от хорошего порядка и дисциплины. В этой речи боги упомянуты лишь раз. После этого командиры приступили к выборам пяти новых генералов, одним из которых стал Ксенофонт⁴¹.

³⁸ Ср. Ксенофонт. Экономика.

³⁹ Ксенофонт. Анабасис. III, 1, 9–12; ср. Там же. I, 3, 8, 13, 21; I, 6, 5, 9; II, 2, 2–5.

⁴⁰ Там же. III, 1, 12–26.

⁴¹ Там же. III, 1, 32–47.

Вскоре после этих выборов, перед началом следующего дня, командующие решили созвать собрание солдат. Сначала к собравшимся солдатам коротко обратился Хирисоф-лакедемонянин, затем Клеанор-эрхоменец, который занимает центральное место в перечислении новоизбранных генералов⁴². Речь Клеанора примерно в два раза длиннее речи Хирисофа и посвящена пересказу персидского предательства, о котором умолчал Хирисоф. Соответственно, Хирисоф лишь раз отсылает к богам, Клеанор же делает это четырежды. И все же их речи — это только прелюдии к речи, с которой Ксенофонт обратился к этому самому серьезному собранию, перед которым он появился в самом серьезном своем одеянии: он хотел быть одет подобающе как победе, так и смерти на поле брани. Когда он говорил о множестве прекрасных возможностей спастись, которые они смогут заполучить, если будут безжалостно воевать против своих врагов, кто-то чихнул. Услышав это, все солдаты в едином порыве почтили бога⁴³. Ксенофонт обеими руками или без всякого ложного стыда ухватился за полученную таким образом возможность. Он интерпретировал это чихание как знак от Зевса-Спасителя и предложил всем поклясться принести жертвы этому богу, как только они окажутся на дружественной земле, но тут же дополнил это предложение клятвой принести жертвы и другим богам по возможностям каждого воина. Он поставил это свое предложение на голосование, и оно было единогласно одобрено. Затем они принесли указанные клятвы и пропели пеан. После такого благочестивого вступления Ксенофонт начал свою речь с объяснений того, что он имел в виду под множеством прекрасных возможностей для спасения, которыми обладают греки. В первую очередь они основаны на том, что греки выполнили свои священные клятвы, в то время как их враги совершили клятвопреступничество. Поэтому разумно предположить, что боги будут на стороне греков и против персов, а боги, конечно же, могут оказать немалую помощь, если захотят. Ксенофонт продолжает возбуждать в войске надежду, напоминая о том, как во время персидских войн, с божьей помощью, их предки избавились от персов. Да и сами греческие наемники Кира, с божьей помощью, победили куда более многочисленных персов всего несколько дней назад, а ведь тогда речь шла о воцарении их нанимателя; теперь же дело касается их собственного спасения. После этих слов Ксенофонт уже не будет упоминать богов. Как оратор в этой своей третьей речи он одиннадцать раз упомянул богов, в то время как в первой речи он вспомнил о них пять раз, а в центральной — лишь единожды.

Затем он переходит к чисто человеческим соображениям или мерам. В связи с чем указывает, что если персам удастся помешать грекам вернуться в Грецию, греки смогут с успехом осесть в Персии, столь богатой всяческими благами, в частности красивыми и высокими женщинами и девушками. Может ли видение самого себя в качестве основателя города в варварской стране быть второй ступенью его восхождения? Мы помним, что приглашение Проксена присоединиться к Киру могло основываться на знании о том, сколь слаб, если не сказать пуст, патриотизм Ксенофонта. Это впечатление способна укрепить и нынешняя его речь перед армией. Как бы то ни было, последними по счету, но не по значению мерами, которые он предлагает армии, являются восстановление

⁴² Там же. III, 1, 47.

⁴³ Ср. Аристофан. Всадники. 638–645.

и даже усиление прав командиров наказывать солдат, которые должны сопровождаться активной и ревностной поддержкой со стороны каждого воина. Он требует поставить это его предложение на голосование. Последнее находит мощную поддержку в лице Хирисофа-лакедемонянина и вслед за этим единогласно принимается. Наконец, Ксенофонт предлагает Хирисофа поставить во главе авангарда двигающейся армии, а себя и Тимасия — самых молодых генералов — поставить командовать арьергардом. Это предложение также принимается единогласно. Так Ксенофонт, пусть и неформально, стал если уж не командующим всей армии, то как минимум ее *spiritus rector*. Уладив самые неотложные вопросы, Ксенофонт напоминает тем, кто особенно жаждет богатства, что они должны попытаться победить. Ибо победители как сохраняют то, что уже имеют, так и получают то, что принадлежит проигравшим⁴⁴. Экономическое искусство как искусство обогащения может осуществляться средствами искусства военного⁴⁵.

Затем персы практически безуспешно пытались подкупить греческих солдат и даже капитанов. Куда успешнее они были, когда высылали лучников и пращников против греческого арьергарда, понесшего потери и неспособного контратаковать. Ксенофонт попытался решить эту проблему, но его решение оказалось совершенно бесполезным. За что его винули некоторые из его товарищей-генералов, и он полностью свою вину признал. Более детально проанализировав случившееся и отталкиваясь от военных знаний, приобретенных явно не в рамках этого похода, он нашел решение, обещавшее компенсировать персидское превосходство в пращниках и всадниках. И снова его предложения были приняты.

В речи, обращенной к солдатам, Ксенофонт объяснил, что их страх оказаться отрезанными от пути в Грецию большими и глубокими реками — Тигром и Евфратом — безоснователен: все реки, будучи непроходимыми вдали от своих истоков, становятся таковыми у своих истоков⁴⁶. Он не упомянул о том, что это решение привносит новую трудность: трудность, вызванную высотой гор, трудность восхождения. После победы над персами греки достигли реки Тигр у заброшенного города Лариса, некогда принадлежавшего мидийцам, — города, который персам во время завоевания Мидии не удавалось взять до тех пор, пока солнце не скрылось за облако, вследствие чего жители бежали из собственного города. Затем греки пришли к другому некогда мидийскому городу, который персы также не могли взять до тех пор, пока Зевс не напугал его жителей громом. (Прямо перед тем, как описать эту деталь, Ксенофонт использует *legetai*: должны ли мы счесть, что говорящееся о том, что Зевс вызвал гром, явно отличается от известного об этом?) Греки продолжили свой марш, а персы стали преследовать их с осторожностью, особенно после того, как греки улучшили меры противодействия нападениям. Их положение улучшалось пропорционально тому, сколь холмистой становилась местность, по которой они шли, однако как только им приходилось спускаться с холмов на равнину, то они сразу же начинали нести ощутимые потери. Однажды между Хирисофом и Ксенофонтом случился разлад, который вскоре был приведен к дружескому соглашению. Соглашение это требовало напряженного подъема в гору, к которому Ксенофонт, сидя на лошади, склонял своих солдат с помощью несколько преувеличенного

⁴⁴ Ксенофонт. Анабасис. III, 2.

⁴⁵ Ксенофонт. Экономика. I, 15.

⁴⁶ Ксенофонт. Анабасис. III, 2, 22.

обещания. Когда один из солдат пожаловался, что восхождение легко дается Ксенофону, сидящему на лошади, в то время как он поднимается пешком, да еще и со щитом, Ксенофонт спешился, оттолкнул жалобщика, отнял у него щит и сам начал подниматься так быстро, как мог, хотя на нем был надет всаднический нагрудник, который только прибавлял веса. Но остальные воины встали на сторону Ксенофонта, они принялись толкать и ругать жалобщика, тем самым заставив его вернуть свой щит и продолжить восхождение⁴⁷. Ксенофонт не таков, как Проксен.

Еще одно разногласие между Хирисофом и Ксенофонтом возникает, когда персы начинают жечь находящиеся недалеко от Тигра деревни, богатые припасами. Кажется, Ксенофонт доволен происходящим: до тех пор, пока между греками и персами был договор, греки были обязаны воздерживаться от разграбления царских владений, теперь же персы делом показывают, что не считают их таковыми, а потому мы должны остановить персидских поджигателей. Однако Хирисоф думал, что греки тоже должны начать сжигать деревни, тем самым быстрее остановив действия персов. Ксенофонт, скорее всего, памятуя о том, что если случится худшее, то греки могут осесть прямо во владениях царя, не стал ничего отвечать. Как бы то ни было, командующие были сильно расстроены происходящим. И все же, после допроса пленных, генералы решили идти на север через гористую землю кардухов — труднопроходимую местность, населенную воинственным народом, который, однако же, не подчиняется персидскому царю. Это решение оказалось для греков спасительным. И хотя приняли его «генералы», саму мысль о нем, как мы уже видели, зародил в своей речи к солдатам Ксенофонт⁴⁸.

Книги со второй по пятую и книга седьмая начинаются с краткого пересказа произошедшего ранее⁴⁹. Ни в одном из этих пересказов или введений не упомянуто имя Ксенофонта. Может статься, он хотел нейтрализовать не то чтобы намеренное, но неизбежное самовосхваление, выраженное в виде пересказов собственных действий и речей. Самым длинным является введение к четвертой книге, его размер примерно равен размерам введений ко второй, третьей, пятой и седьмой книгам вместе взятым. Четвертая книга является центральной. Не написав введения к шестой книге, Ксенофонт демонстрирует, что четвертая книга является центральной также и среди книг с введением. Но подтверждается ли сомнительная гипотеза о центральном положении книги и самим ее содержанием?

Кардухи не были друзьями и уж тем более союзниками персидского царя. Но это не означает, что они встретили греков с распростертыми объятьями. Напротив, когда греки вошли в их землю, те сбежали в горы, взяв с собой своих жен и детей, и причинили грекам столько урона, сколько могли. На самом деле, за семь дней марша через землю кардухов грекам пришлось непрестанно сражаться и испытать больше зол, чем те, что причинили им царь и Тиссаферн вместе взятые за все время, пока они шли по территории Персии⁵⁰. Трудности значительно возросли благодаря появившемуся снегу. Хирисоф теперь единолично командовал авангардом, а Ксенофонт — арьергардом. Связь между

⁴⁷ Там же. III, 4.

⁴⁸ Ксенофонт. Анабасис. III, 5.

⁴⁹ Ср. Там же. VI, 3, 1.

⁵⁰ Там же. IV, 3, 2.

авангардом и арьергардом стала крайне затруднительной, особенно из-за того, что арьергард подвергался серьезному давлению со стороны врага, и его дальнейшее продвижение начало походить на бегство. Когда Ксенофонт пожаловался Хирисофу, что тот не подождал арьергарда, лакедемонянин нашел хорошее оправдание своим действиям, но не смог предложить решения проблемы. Ее решение предложил сам Ксенофонт, чьи солдаты смогли взять пленных. Убив одного из них на глазах другого, он склонил последнего помочь грекам преодолеть трудности, вызванные его соотечественниками, и выступить в качестве проводника. Марш через землю кардухов снова показывает храбрость и находчивость греков и особенно Ксенофонта. Несмотря на жестокое противостояние с варварами, договорившись, Ксенофонту удалось вернуть трупы греческих солдат и похоронить их самым подходящим образом.

С труднопроходимых и опасных кардухских гор они спустились в Армению, которая находится на равнине и климат которой, как кажется, предлагал со всех сторон более щадящие условия, по сравнению с теми трудностями, что постигли войско в предыдущей стране. Однако дорогу на Армению преграждала труднопроходимая река, да и сам проход был затруднен армией, состоявшей из персов и персидских наемников, часть из которых были армянами. Вдобавок позади греков появились крупные силы кардухов, также пытавшиеся помешать им перейти реку. Вот как греки снова оказались в затруднительной ситуации. Тогда Ксенофонту приснился сон — точно так же, как это было в ночь после битвы при Кунаксе, — но нынешний сон был куда менее пугающим, о чем, дополнив его своей собственной позитивной интерпретацией, Ксенофонт и рассказал на рассвете Хирисофу. Это доброе предзнаменование подтвердили и жертвы, принесенные в присутствии всех генералов и с самого начала оказавшиеся благоприятными. Ксенофонт, всегда доступному для своих солдат, если те хотели сообщить ему что-то касательно военных дел, двое молодых воинов сказали о том, что им удалось обнаружить брод через реку. Ксенофонт надлежащим образом поблагодарил богов за сны и другую помощь и сразу же сообщил Хирисофу об обнаружении двумя молодыми воинами брода через реку. Перед тем как начать переход через реку, Хирисоф надел венки, а прорицатели принесли жертвы реке. Те также оказались благоприятными. При таких-то обстоятельствах неудивительно, что греки преуспели в своем предприятии. В противоположность словам «Феопомпа-афинянина», походившего на философа, оружие и добродетель не были единственными благами, находящимися в распоряжении греков⁵¹. Или, если хотите, благословение богов неизбежно следовало за соблюдением греками своих клятв. Однако при желании можно также сказать, что одной из добродетелей, выделявших Ксенофонта, было благочестие, учитывая, что придется добавить, что его сложно отличить от комбинации стойкости, находчивости и хитрости, которые отличали его от Проксена и которые частью стали заметны уже в его обращении к Дельфийскому богу. Словом, оно точно *toto caelo* отличается от благочестия Никия.

После вступления в Армению греки прошли через Западную Армению, которой правил Тирибаз — «друг» персидского царя. Тирибаз пытался заключить с греками договор. Несмотря на имеющийся опыт заключения двух договоров с Тиссаферном и царем, греческие генералы приняли его предложение. Но на этот раз они оказались

⁵¹ Ксенофонт. Анабасис. II, 1, 12–13.

достаточно осторожны, чтобы не допустить еще одного персидского предательства. Грекам одновременно и помог, и помешал сильный снегопад. Но снова личный пример Ксенофонта показал им выход. Нарушение договора происходило и со стороны некоторых греческих солдат, намеренно сжигавших дома, в которых они останавливались на постой. За это они были наказаны тем, что им пришлось ночевать в стесненных условиях. Дальнейшему продвижению греков по Армении снова мешал глубокий снег, а северный ветер бил им в лицо, из-за чего многие получали обморожения. Тогда один из предсказателей предложил им принести жертвы ветру. После принесения жертв всем явственно показалось, будто сила ветра спала⁵²: «всем явственно показалось» звучит куда убедительнее, чем «говорят». Из-за снега многие люди начали страдать от сильного голода. Ксенофонт не знал, что именно происходит с людьми, но, узнав об этом от опытного человека, он сделал все необходимое и добился желаемого результата.

Хотя марш через землю враждебных кардухов вызвал множество трудностей, марш через Армению был веселым, да и местное население любезно принимало греков. По большей части все это происходило из-за того, что Ксенофону в кратчайшее время удалось достичь сердечнейших отношений со старейшиной (*komarchos*) одной из армянских деревень. Еда и особенно отличное вино были в изобилии. Когда на следующий день Ксенофонт в компании старейшины пришел проведать своих солдат, оказалось, что те весело и в радушной атмосфере празднуют. С помощью этого старейшины Ксенофонт и Хирисоф выяснили, что выращиваемые тут лошади являются данью царю. Ксенофонт взял себе одного жеребенка, отдав своего старого коня старейшине для того, чтобы тот его откормил и принес в жертву, ибо он слышал, что конь этот посвящен Гелиосу. Он также дал жеребят другим командующим. (В Армении для царя выращивали семнадцать лошадей. Дочь деревенского старейшины вышла замуж за девять дней до прихода греков, а девять — это центральное число ряда в семнадцать цифр⁵³. В качестве оратора Ксенофонт упоминает богов в своих первых трех речах, посредством которых он обеспечил свое восхождение, семнадцать раз.)⁵⁴

Возможно, теперь мы в силах ответить на вопрос о том, почему четвертая книга — или, по крайней мере, повествование о марше через землю кардухов и Армению — находится в центре «Анабасиса». Также можно добавить, что четвертая книга — это единственная книга «Анабасиса», в которой нет клятв (таких как «клянусь Зевсом», «клянусь богами» и так далее). Марш через землю кардухов был самым тяжелым, а марш через Армению характеризуется описанием веселья: кардухи и армяне, в некотором роде, представляют два полюса. Обращаясь от «Анабасиса» к «Киропедии»⁵⁵, мы обнаруживаем там и только там своего рода объяснение той уникальности Армении, которую мы находим в «Анабасисе». У сына армянского царя был друг — «софист», который повторил судьбу Сократа: из-за того, что царь Армении завидовал «софисту», так как его сын уважал того больше, чем собственного отца, и потому обвинил этого «софиста» в «сворачивании» его сына. Армения кажется варварским аналогом Афин. А значит, не

⁵² Там же. IV, 5, 4.

⁵³ Ксенофонт. Анабасис. IV, 5, 24.

⁵⁴ Там же. III, 1, 15 — 2, 39.

⁵⁵ Ксенофонт. Киропедия. III, 1, 14, 38–39.

совсем верно утверждать, будто греко-персидский антагонизм в «Анабасисе» имеет минимальное или второстепенное значение.

Это позволяет нам понять разницу между Ксенофонтом и Сократом чуть лучше, чем прежде. Армянский аналог Сократа совершенно свободен от желания отомстить отцу своего ученика. Обобщая, он не верит, что добродетель состоит в том, чтобы превосходить своих друзей в принесении им пользы, а своих врагов — в причинении им вреда. Он по умолчанию отвергает представление о добродетели, которое Сократ пытается привить Критобулу⁵⁶, — добродетели члена калокагии, которой, как говорят, на недостижимом уровне владел Кир⁵⁷. На сомнительный характер такого понимания добродетели указывает не только платоновский Сократ⁵⁸, но и два Ксенофоновых списка добродетелей Сократа, в которых не найти смелости (мужества) и в которых справедливость приравнивается к ненанесению никому ни малейшего вреда⁵⁹.

Восхождение Ксенофонта или, скорее, его естественное влияние проявилось в единственном серьезном разладе с Хирисофом. Ксенофонт передал Хирисофу старейшину в качестве проводника. Но из-за того, что этот армянин действовал не совсем так, как хотелось Хирисофу, лакедемонянин побил его, при этом не удосужившись связать. После чего тот сбежал⁶⁰. Проксен никогда бы не стал бить старейшину. Хирисоф избил его, точно так же, как поступил бы Клеарх, но не связал. Ксенофонт избил бы его, если бы в том была необходимость, но он бы принял меры предосторожности, связав его. Ксенофонт придерживается верных средств.

Затем, когда по прошествии некоторого времени путь греков снова преградило враждебно настроенное местное население, Хирисоф созвал совет генералов. На нем были выдвинуты два противоположных предложения. Клеанор высказался в пользу лобовой атаки на варваров, занявших хорошую позицию. Ксенофонт не меньше коллеги хотел решить данную проблему, но при этом он желал обойтись минимумом людских потерь. Он предлагает достичь указанной цели простейшим путем: выбить противника с его позиции необходимо не фронтальным нападением, а маневром, «воровством». Он ссылается на прекрасную обученность спартанского правящего класса в воровстве. Заполучив таким образом благоволение Хирисофа, он слышит не менее благодушное замечание, что афинянам нет равных в разворовывании общественных средств, как показывает то, что лучших воров они избирают своими руководителями. Предложение Ксенофонта, естественно, одобрено, с добавлением минимальной поправки от Хирисофа, и приводит к абсолютному успеху. В подобном инциденте, случившемся чуть позднее, на первое место снова выходит не простецкая агрессивность Хирисофа, а проницательный расчет Ксенофонта, который помогает грекам преодолеть возникшее на марше препятствие, вызванное другими варварскими племенами⁶¹. После преодоления еще нескольких серьезных трудностей греки, наконец, видят море. Ксенофонт как командующий арьергардом в некотором роде является последним участником похода,

⁵⁶ Ксенофонт. Меморабиллии. II, 6, 35; II, 3, 14.

⁵⁷ Ксенофонт. Анабасис. I, 9, 11, 24, 28; ср. Там же. V, 5, 20.

⁵⁸ Платон. Государство. 335d11–12.

⁵⁹ Ксенофонт. Меморабиллии. IV, 8, 11; Ксенофонт. Апология Сократа. 15–18.

⁶⁰ Ксенофонт. Анабасис. IV, 6, 3.

⁶¹ Там же. IV, 7, 1–14.

который удостоился чести лицезреть этот трогательный и прекрасный вид. Но данный факт совершенно не уменьшает величия его свершений: именно его благоразумные советы спасли греков от попыток царя и прочих варваров уничтожить их.

Если бы и можно было сомневаться в правдивости вышесказанного, то это сомнение было бы ликвидировано большим, торжественным и веселым празднеством, которое устроили греки после прибытия в греческий город Трапезунт, расположенный у Черного моря в земле колхов. Около тридцати дней провели они в Колхиде, богатые провизией, добытой частью грабежом, а частью торговлей с трапезунтцами. После этого они подготовили обещанные жертвы. Они принесли жертвы Зевсу-Спасителю, Гераклу-Вождю и другим богам, согласно своим собственным обетам. Здесь Ксенофонт, кажется, открывает имена тех богов, которым ему до отъезда посоветовал принести жертвы Дельфийский бог и которые он ранее сообщил только Сократу⁶².

Далее возник вопрос о том, как армии следует продолжить свой путь до Греции. Все захотели продолжить дальнейший путь морем. Хирисоф пообещал, что если его отправят к командующему лакедемонским флотом, он вернется назад с нужными для этого кораблями. Его предложение было поддержано армией. На что лишь Ксенофонт, будучи настроен куда менее оптимистично, высказал предостережение. Он сказал солдатам, что им пришлось бы делать и как пришлось бы себя вести до возвращения Хирисофа, в частности отметив, что им не следует быть уверенными в том, что миссия Хирисофа окажется успешной. Но когда он обратил их внимание на то, что им, возможно, придется продолжить свой путь по суше, а значит, приморским городам надо приказать починить дорогу, солдаты начали громко протестовать: они ни при каких обстоятельствах не хотели продолжать свой поход по суше. Из-за этого Ксенофонт разумно воздержался от постановки своего предложения на голосование, но достиг того, что считал необходимым, убедив приморские города позаботиться о восстановлении дорог. К тому же часть из тех отрядов, которые ослушались запретов Ксенофонта, позже были уничтожены врагами.

После отъезда Хирисофа Ксенофонт по факту стал главнокомандующим всей греческой армии. Трапезунтцы не хотели развязывать вражду с колхами из-за снабжения греческой армии и потому повели ее против дрилов — наиболее воинственного племени Понта, жившего в труднодоступной местности. Греческие легковооруженные отряды не смогли взять укреплений врага, но и не имели возможности отступить. В этой ситуации Ксенофонт, от которого требовали решения, согласился с капитанами, что взятие укреплений должны вести гоплиты, ибо он поверил благоприятной интерпретации жертв, сделанной прорицателями⁶³. Советы, исходящие из человеческого благоразумия, и намеки божества оказались в согласии: укрепления были взяты гоплитами. Но этим битва не окончилась. Вражеский резерв, замеченный впервые, как кажется, именно Ксенофонтом, появился на некоторых труднодоступных высотах. То есть согласие было достигнуто именно между точками зрения других командующих — а не Ксенофонта — и прорицателей. Ситуация вновь, как и до вмешательства Ксенофонта, была безвыходной.

⁶² Там же. III, 1, 6–8.

⁶³ Ксенофонт. Анабасис. V, 2, 9.

Затем неожиданно некий бог указал грекам на спасение: кто-то — одному богу известно, как и зачем — поджег дом, что привело к панике в стане врага. Ксенофонт немедля усвоил урок, данный случаем, и приказал поджечь все остальные дома, т. е. сжечь весь город. То, что сначала именовалось «неким богом», теперь именуется «случаем»: *deus sive casus*. То, что привело греков к победе, точно отлично от человеческого благоразумия или, с точки зрения успешного обретения человеческого благоразумия, оно определенно превосходит последнее⁶⁴. Именно расчет Ксенофонта на сверхчеловеческое, на *daimonion*, отличавший его от других командующих, особенно ярко проявил себя после того, как он по факту стал главнокомандующим. Нельзя не задаться вопросом: как исключительное благочестие Ксенофонта сочеталось с его исключительной хитростью? Как человек он явно был слабее всякого бога. Но не превосходил ли он всякого бога хитростью? Разве не может раб превзойти своего господина хитростью, сколь бы хитрым тот ни был сам? И все же боги, в отличие от людей, всеведущи⁶⁵, а потому раскроют любую человеческую уловку. Но разве приписывание богам всеведения не есть часть человеческой уловки, человеческой лести? Огромная трудность, остающаяся в случае Ксенофонта или его Сократа, связана с тем, что, согласно ему (или им), благочестивым является тот, кто знает законы или то, что установлено законами относительно богов, но никогда не задается вопросом: «Что такое закон?»⁶⁶. Эту трудность не разрешить в контексте интерпретации «Анабасиса». Было бы куда проще и одновременно сложнее сказать, что Ксенофонт или его Сократ никогда не поднимает куда более фундаментального вопроса: «Что такое бог?».

В итоге греки были вынуждены покинуть Трапезунт по суше. Только самые слабые, под командованием двух самых старых генералов, были посажены на суда. Пешее войско на третий день пути оказалось в Керасунте — греческом прибрежном городе, где осталось на десять дней, там же прошел смотр гоплитов и их подсчет: из примерно 10 000 в живых осталось 8600 гоплитов. После чего они распределили деньги, полученные от продажи добычи. Десятая часть этих средств была выделена Аполлону и Артемиде Эфесской. Каждый из генералов потратил полученную им долю этих денег по указанию бога. Ксенофонт поясняет, как он применил часть средств, доверенных ему во имя Аполлона. Что же до части, данной на чествование Артемиды, то он столкнулся с трудностями, ибо тогда он был афинским изгнанником — вероятно, потому, что сражался против отечества на стороне спартанцев, — но спартанцы поселили его в Скиллунте, где он купил участок земли для Артемиды по указанию Дельфийского оракула. Участок этот оказался богатым на охотничью дичь. Там в честь богини устраивалась охота, на которую приглашались все соседи. Ксенофонт построил на нем копию храма Артемиды в Эфесе. Действительно, было бы ужасно грубо не проявить благочестия или отступить от его требований после того, как он смог счастливо вернуться из похода. Повествование о собственной жизни в Скиллунте является подходящим заключением для рассказа о том, как он стал главнокомандующим после отъезда Хирисофа.

Из Керасунта греки морем или сушей проследовали к горам моссинойков. Моссинойки, к которым греки пришли сначала, попытались помешать дальнейшему

⁶⁴ Ксенофонт. Меморабии. I, 1, 8.

⁶⁵ Там же. I, 1, 19; ср. Ксенофонт. Пир. 4, 47.

⁶⁶ Ксенофонт. Меморабии. IV, 6, 4; I, 2, 41–46.

проходу войска по их земле, но Ксенофонту удалось заключить союз с теми моссинойками, что были врагами этим. Нападение на вражеские укрепления привело к позорному поражению не только союзных варваров, но и тех греков, которые добровольно присоединились к ним ради добычи. Однако на следующий день вся греческая армия, будучи в хорошем настрое из-за благих жертвенных предзнаменований, совершила крайне успешное нападение. Естественно, союзные им моссинойки хорошо приняли греков. Для которых последние выглядели самым варварским народом из всех, которых они повстречали на своем пути, максимально удаленным от греческих законов, ибо они публично делали то, что другие делали бы только в одиночестве, а когда они оставались одни, то вели себя так, словно находились в компании других людей — говорили сами с собой, смеялись сами с собой, танцевали, где бы ни оказались, словно красовались перед другими⁶⁷. Ранее нас подводили к выводу, что кардухи и армяне были двумя полюсами, встретившимися грекам на их пути. Теперь же мы видим, что моссинойки куда более чужды грекам, нежели кардухи или армяне. Это не значит, как может показаться, что моссинойки жили «в естественном состоянии». У них были свои законы, как и у всех остальных. Все люди живут по законам. В этом смысле закон естественен человеку или является частью человеческой природы. И, тем не менее, необходимо отличать природу от закона⁶⁸ и сохранять это отличие. Можно пролить немного света на этот мнимый парадокс, если взглянуть на сходство некоторых черт самых жутких варваров и Сократа⁶⁹.

Когда греки пришли в землю тибаренов, генералы хотели было напасть на их укрепления, но воздержались, так как жертвы оказались неблагоприятными, и все прорицатели согласились, что боги не разрешают вести эту войну. Так что через землю тибаренов они прошли мирно, пока не оказались в Котиоре — греческом городе — колонии синопцев. Там они оставались сорок пять дней, в основном занимаясь принесением жертв, устройением праздничных шествий воинов каждой народности и проведением гимнастических состязаний. Что же до провизии, то ее приходилось добывать силой, ибо ее им не продавали. Из-за этого синопцы испугались и прислали в армию посольство. Представителем посольства выступил Гекатоним, который считался толковым оратором. Он продемонстрировал силу своей речи, сначала обратившись к солдатам с несколькими дружественными словами, а затем обрушив на них куда более ясную и оскорбительную угрозу, указав, что синопцы могут объединиться против армии Ксенофонта с пафлагонцами или кем-нибудь еще. Ксенофонт отменил эту угрозу не столько с помощью противопоставления обычаев и действий синопцев и трапезунтцев, и даже некоторых варваров, через земли которых войско уже прошло, сколько с помощью куда более эффективной ответной угрозы: шансы заключить союз с пафлагонцами и у его армии, и у синопцев как минимум равны. Из-за красноречия Ксенофонта Гекатоним потерял свое положение среди послов, и между армией и синопцами воцарилась безупречная гармония. Ксенофонту отлично удалось защитить войско от обвинения в несправедливости. Он ясно доказал наличие у него справедливости, указав на

⁶⁷ Ксенофонт. Анабасис. V, 4, 33–34.

⁶⁸ Ср. Ксенофонт. Экономика. 7, 29–30; Ксенофонт. Гиерон. 3, 9.

⁶⁹ Ср. Ксенофонт. Пир. 2, 18–19; ср. Платон. Пир. 175a7–b3, c3–d2, 217b7–c7, 220c3–d5.

возможность обращения к войне против греков в союзе с варварами — в качестве чистого акта самозащиты.

И все же указанная гармония оказалась не такой уж безупречной, как думалось поначалу. На следующий день генералы созвали солдатское собрание, куда позвали и послов с Синопа, дабы решить вопрос о том, как продолжать свое путешествие: по морю или по суше. В любом случае — они нуждались в помощи синопцев. Снова произнес речь Гекатоним. Он заявил, что пройти через Пафлагонию абсолютно невозможно. Единственный путь дальше — плыть в Гераклею. И хотя солдаты не слишком доверяли выступающему — некоторые считали его тайным другом царя пафлагонцев, — они проголосовали за то, чтобы продолжить путешествие морем. Но Ксенофонт их предупредил: это решение приемлемо только в том случае, если буквально все солдаты смогут взойти на корабли и, соответственно, если им будет предоставлено необходимое количество кораблей. Так появилась необходимость для новых переговоров между армией и синопцами. В этой ситуации Ксенофонту подумалось, что, учитывая силу военного греческого присутствия в этом удаленном регионе, было бы великолепно, если бы солдаты увеличили территорию и силу Греции, основав тут город. Он бы стал большим, учитывая размер армии и количество уже осевших в регионе греков. Но перед тем как обсудить эту идею с кем бы то ни было, Ксенофонт принес жертвы и проконсультировался с прорицателем Кира. Однако тот горел желанием вернуться домой, — ибо его карманы были набиты золотом, которое дал ему Кир в награду за верное предсказание, — и потому он выдал армии план Ксенофонта и объяснил его чистым желанием последнего обрести славу и власть.

Кажется, что к этому моменту мы уже достигли и даже преодолели пик восхождения Ксенофонта. Учитывая, что основание великого греческого города «в какой-либо варварской местности»⁷⁰ способствовало бы славе и власти Ксенофонта, разве не были его слава и власть справедливо заслуженными? Разве это его намерение не принесло бы пользы не только ему лично, но и Греции, а значит, всему человечеству? Разве не выполнял он со справедливостью и благочестием то — и даже больше того, — что только можно было ожидать от человека, присоединившегося к походу Кира, будучи никем и, очевидно, по не самым важным причинам? Ксенофонт наилучшим образом подходил не только для того, чтобы быть главнокомандующим армией, но и для того, чтобы стать основателем города, заслуживающим величайших почестей при жизни и особенно после смерти: почестей, присущих основателю города. Но в итоге, в последний момент, эта высшая и столь хорошо заслуженная честь крадется у него из рук не какой-то божественной опалой, а жадным до денег прорицателем. Не нужно говорить, что в данном случае боги не пришли Ксенофонту на помощь.

Но, может статься, мы не обращали достаточного внимания на подлинную трудность. Когда солдаты узнали про еще не объявленный план Ксенофонта основать город вдали от Греции, большинство выступило против него. На солдатском собрании несколько воинов раскритиковали план. Однако Ксенофонт слушал их молча. Тимасий, официально являвшийся наряду с Ксенофонтом командующим арьергардом⁷¹, заявил, что

⁷⁰ Платон. Государство. 499d9.

⁷¹ Ксенофонт. Анабасис. III, 2, 37–38.

нет ничего, что можно было бы ценить выше Греции, и потому нельзя и думать о том, чтобы остаться в Понте⁷². Скрыто, может, даже бессознательно, Тимасий выступил против приглашения Проксена о присоединении к походу Кира, адресованного Ксенофону, ибо приглашение это основывалось на том, что, пожалуй, Кира можно справедливо ценить выше, чем родину⁷³. Ксенофонт не отвечает на это страшное, пусть и скрытое, обвинение: разве не была мысль о том, что варварского принца или царя можно ценить выше отечества, актом, а может, даже и основанием несправедливости Ксенофонта?

Но, повторимся, Ксенофонт молчал. Только когда солдаты стали упрекать его за то, что он пытался убедить их в частном порядке и в частном порядке приносил жертвы вместо вынесения данного вопроса на собрании, вынужден он был подняться и начать говорить. Сначала он заявляет, что, как они и сами видели, он приносит жертвы так часто, как только может, и приносит их как ради себя, так и ради самих солдат, и делает это для того, чтобы иметь возможность говорить, думать и поступать наиболее благородным и подобающим образом как в отношении солдат, так и в отношении себя самого. Иными словами, разведение или противопоставление прорицателем интересов солдат и интересов Ксенофонта является злонамеренным наветом. В данном конкретном случае, продолжает Ксенофонт, он жертвовал строго для того, чтобы понять, а стоит ли вообще говорить об этом предприятии с солдатами и воплощать задуманное или же стоит забыть про него⁷⁴. Говоря простым языком, это означает, что он не приносил жертв, дабы узнать о целесообразности основания города. Это напоминает его поведение относительно приглашения Проксена присоединиться к походу Кира, когда Ксенофонт отклонился от совета Сократа и спросил Дельфийского бога не о том, следует ли ему присоединиться к походу, а о том, кому приносить жертвы и молиться, дабы совершить это путешествие наиболее благородным образом⁷⁵. И все же существует важное отличие между этими двумя событиями: в случае приглашения Проксена Ксенофонт сам принял решение присоединиться к походу Кира; в случае же основания города от прорицателя он узнал самое главное, а именно, что принесенные жертвы оказались благоприятными: так что не было ничего плохого в том, чтобы размышлять над основанием города. Но размышлять — это одно, а говорить и делать — совершенно другое. От принесения жертв по поводу того, стоит ли говорить об основании города и начинать ли его, Ксенофонта удержали не неблагоприятные жертвы или его собственное решение, а тот самый прорицатель. Случилось это следующим образом. Прорицатель сказал Ксенофону правду о благоприятности жертв, ибо знал, сколь обширны знания самого Ксенофонта на этом поприще. Но от себя он добавил, что жертвоприношение указало, будто Ксенофонт готовится обмануть и свергнуть. Ибо он знал — конечно же, не в результате принесения жертв, — что сам он собирается оклеветать Ксенофонта перед солдатами, утверждая, будто тот и вправду замыслил основать город, не убедив армию. Вот так Ксенофону удалось полностью опровергнуть обвинения прорицателя. Но теперь, — продолжает он — учитывая оппозицию большинства солдат, он и сам оставляет этот план и предлагает,

⁷² Там же. V, 6, 22.

⁷³ Там же. III, 11, 4.

⁷⁴ Ксенофонт. Анабасис. V, 6, 28.

⁷⁵ Там же. III, 1, 7.

чтобы любого, кто покинет армию до конца похода, считали преступником. Это его предложение было одобрено единогласно. Это решение, естественно, сильно расстроило прорицателя, ибо он уже собирался отправиться домой со своим заработком. Его единоличный протест не оказал никакого эффекта на генералов. Правда, некоторые влиятельные члены армии сговорились с понтийскими греками против Ксенофонта. Они пустили слух, будто тот не отказался от своего плана основать город. Это вызвало волнения среди солдат, и Ксенофонт счел разумным созвать собрание армии.

Он с легкостью смог показать, сколь глупо верить в то, что он мог обмануть всю армию насчет своего предполагаемого плана основать город в Азии, в то время как большинство, если не вообще все, кроме него самого, хотели вернуться в Грецию. Независимо от того, распространял ли этот навет один человек или несколько, он исходил из зависти — естественного следствия оказанных Ксенофонту великих почестей, которые, в свою очередь, были естественным следствием его великих заслуг. Он никогда никому не мешал достичь таких же или даже больших успехов: словом, сражением или бдительностью⁷⁶. Троица «слово, сражение и бдительность» занимает место троицы «слово, мысль, дело»⁷⁷, но сражение теперь занимает место мысли, ибо мысль занимала центральное положение, по причине, которую мы уже указали при обсуждении данного отрывка. «Мысль» теперь заменена «бдительностью», под которой понимается «беспокойство» — особый вид мышления (*merimnai, phrontizein*). Ксенофонт готов уступить свою власть любому, кто хотя бы немного заслуживает ее. Так заканчивается его защита. Но ему еще есть что добавить. Величайшая опасность, угрожающая армии, исходит не от плана основать город или чего-то подобного, а от отсутствия дисциплины в ней, которое уже привело к ряду страшных преступлений, часть из которых стала известна ему только сейчас, и которые целиком он только сейчас разглашает перед армией. В будущем они, несомненно, приведут армию к гибели. Ксенофонт перешел от защиты к нападению, и этот маневр оказывается полностью успешным. Солдаты спонтанно решают, что впредь все ответственные за совершенные преступления будут наказаны, и любому, кто совершит нечто незаконное, в будущем будет угрожать смерть по суду. Генералы будут ответственны за судебные разбирательства обо всех преступлениях, совершенных с самой гибели Кира, а капитаны составят корпус присяжных. По совету Ксенофонта и с одобрения прорицателей было постановлено, что армия должна очиститься, после чего был совершен соответствующий обряд.

Но этим Ксенофонта защита, обернувшаяся нападением, не заканчивается. Было решено — Ксенофонт не говорит, по чьему предложению, — что генералы сами должны быть судимы за любые совершенные ими ранее проступки. Одним из генералов, обвиненных в халатности, был сам Ксенофонт. Кто-то обвинял его в том, что он бил солдат из *hybris*, т. е. без необходимости. Это означает, что в данном случае на первый план выходит различие между ним и Проксеном. Но Ксенофонту так же легко защититься от обвинения в избиении солдат из *hybris*, как защититься от обвинения в желании основать колонию супротив воли армии. В ходе защиты он просит солдат вспомнить не только жесткие свои действия, совершенные ради их же пользы, но действия добрые. Его

⁷⁶ Там же. V, 7, 10.

⁷⁷ Там же. V, 6, 28.

речь оканчивается запоминающимся предложением: «А ведь благороднее, справедливее, благочестивее и приятнее помнить добро, а не зло»⁷⁸. Приятно помнить про зло, когда уже успешно прошел через него, хотя что касается удовольствия от воспоминаний, добрые воспоминания предпочтительнее плохих. В любом случае, с какой стороны ни посмотри, кажется, что в конечном счете между благородным, справедливым, благочестивым и приятным существует гармония. А потому неудивительно, что Ксенофонт, насколько это вообще возможно, всегда говорит о хорошем, а не о плохом. Очевидно, что слушатели последовали совету, которым завершилась его речь.

В итоге суд над Ксенофонтом оканчивается его полным оправданием. Может стать, ничто так ясно не демонстрирует различия между ним и Сократом, как то, что суд над Сократом закончился смертным приговором. Однако не стоит и забывать, что Ксенофонт план по основанию города провалился.

В пятой книге Ксенофонт клянется куда чаще, чем во всех предыдущих.

Недовольство в армии, приведшее к обвинению Ксенофонта, не было совершенно беспочвенным. Если мы не «самые богобоязненные люди из всех»⁷⁹ — а ничто и никто не заставляет нас таковыми быть, — мы в состоянии признать, что Ксенофонт и правда полностью преуспел в защите своего благочестия. Но вот защитил ли он свою справедливость? Ответил ли он на скрытое обвинение в том, что есть для него нечто гораздо более важное, чем Греция? Более того: разве полная преданность Греции является единственной или главной составляющей справедливости? Разве тут не так же, как с лошадьми: разве не надо предпочитать не местных или своих, не сынов отчизны, а лучших людей?⁸⁰ Такой Ксенофонт описал армию, нет, политическое сообщество, созданное согласно этому высшему стандарту в «Киропедии». В чем же разница, с точки зрения справедливости, между главным героем «Киропедии» — Киром Старшим и Ксенофонтом? Кир Старший частично обязан своими достижениями своей родословной, своему наследству: и по линии отца, и по линии матери он был потомком древней династии царей. Ксенофонт таких преимуществ не имел. Учитывая, что с высшей точки зрения только знание того, как править, а не наследие, к примеру⁸¹, наделяет человека правом править, разве знанию того, как править, нужна некая железная примесь, некая жесткая и грубая добавка для того, чтобы быть легитимным, т. е. политически жизнеспособным? Разве, пользуясь любимым термином Э. Берка, «право давности» является необходимой составляющей нетиранического правления, составляющей легитимности? Короче говоря, «справедливость» — термин многозначный. Она вполне может означать добродетель, заключающуюся в том, чтобы превосходить друзей приносимой им пользой и превосходить врагов приносимым им вредом⁸². Но она также может означать добродетель Сократа, чья справедливость состояла в том, чтобы не

⁷⁸ Ксенофонт. Анабасис. V, 8, 25.

⁷⁹ Геродот. История. II, 37, 1.

⁸⁰ Ксенофонт. Киропедия. II, 2, 26. Г. Дэйкинс в этом месте замечает: «У Ксенофонта широкий взгляд: добродетель не ограничивается гражданами, нам следует искать ее во всех. Космополитский эллинизм». Xenophon. Cyropaedia: The Education of Cyrus / Trans. from an. Greek. G. Dakyns. — London: Dodo Press, 2008. — P. 78.

⁸¹ Ср. Ксенофонт. Меморабии. III, 9, 10.

⁸² Там же. II, 6, 35.

наносить никому ни малейшего вреда⁸³. Хотя Ксенофонт, несомненно, владел справедливостью, присущей настоящему мужу, едва ли можно утверждать, что он обладал справедливостью Сократа. Это вовсе не значит, что его место рядом с Киром Старшим. Кое-что, к полному нашему удовлетворению, решает данный вопрос: та радость, что ощутил Кир после первой битвы от вида лиц поверженных врагов, была чрезмерной даже для его деда — тираничного царя Мидии⁸⁴. Жестокость и правда необходимое качество военного командующего как такового⁸⁵, но ведь существует огромное количество разных уровней жестокости. Ксенофонт на этой шкале находится где-то между Киром Старшим и Сократом. Тем самым он указывает нам не на недостаток решимости, а на проблему справедливости: справедливость требует как добродетели настоящего мужа (а вместе с ней и возможного высвобождения жестокости), так и добродетели Сократа. Добродетель настоящего мужа указывает на сократовскую добродетель, а сократовская добродетель требует в качестве своего основания добродетель настоящего мужа. Оба вида добродетели не могут сосуществовать во всей своей полноте в одном и том же человеке. Может статься, Ксенофонт считал себя лучшим известным ему примером максимального совпадения обоих в одном человеке⁸⁶. Он (в отличие от Платона) определенно преподносит себя на контрасте с Сократом.

Сразу после оправдания Ксенофонта, восстановления армейской дисциплины и заключения мирного договора с пафлагонцами, на которых греки напали ради получения провизии, от спартанского адмирала Анаксибия возвращается Хирисоф. С ним не было кораблей, которые он обещал или надеялся добыть, но он привез от Анаксибия похвалу и обещание, что если армия сможет уйти из Понта, то он примет их в качестве наемников. Это повысило надежды солдат на быстрое возвращение в Грецию и, соответственно, на добычу, которую они смогут привезти с собой домой. Они считали, что, избрав единого командующего для всей армии, им удастся достичь желаемого наилучшим образом, вследствие очевидных преимуществ монархического правления (большей секретности, скорости принятия решений и так далее) для такого рода целей. С этой мыслью они обратились к Ксенофону. Капитаны сказали ему, что армия хочет видеть его единоличным командующим, и попытались убедить его принять эту роль. Не то чтобы ему не нравилась перспектива быть единоличным абсолютным властителем, не ответственным ни перед кем. Он полагал, что тем самым мог добиться большего почета среди друзей и прославиться в Афинах, а может быть, и сделать что-то хорошее для самой армии. Но затем, когда он подумал, сколь туманно будущее каждого человека, то увидел, что высокое положение, которое ему предложили, несет с собой опасность потери даже той репутации, которую он уже заработал. Будучи не в состоянии решиться, он поступил так же, как и любой другой разумный человек: он поделился своей проблемой с богом. Он принес две жертвы Зевсу-Царю. И этот бог ясно дал понять, что ему не следует ни стремиться к такой власти, ни принимать ее в случае своего избрания. Правда, приснившийся ему сон был куда менее негативным. Но вместо того, чтобы рассказать его, Ксенофонт кратко описывает имеющийся у него опыт со знаменами, относящимися к его

⁸³ Там же. IV, 8, 11.

⁸⁴ Ксенофонт. Киропедия. I, 4, 24.

⁸⁵ Ксенофонт. Меморабилии. III, 1, 6.

⁸⁶ Ср. Strauss L. Xenophon's Socrates. — New York: Cornell University Press, 1972. — P. 144.

судьбе: опыт попытки основания города и, возможно, последующего обвинения проливают новый свет на старое предзнаменование. Что касается его попытки обратиться за советом к Зевсу-Царю, то именно его назвал Ксенофонт Дельфийский оракул. Более того, это — тот же самый бог, который, по мнению Ксенофонта, послал ему сон, побудивший его позаботиться об армии наравне с другими командующими, т. е. после убийства генералов. Сон этот был противоречив⁸⁷, но изначально Ксенофонт его воспринял скорее как доброе предзнаменование. Наконец, теперь он вспоминает, что в самом начале его отбытия из Эфеса для присоединения к походу Кира справа от него прокричал сидящий орел. Как объяснил ему прорицатель, то было великое знамение для великого человека, предрекающее великую славу, но в то же время — великие труды, ибо птицы чаще всего нападают на сидящего орла. Не предсказывало это знамение и большого богатства, ибо летящий, а не сидящий орел скорее заполучит то, чего желает.

На мгновение хочется поверить, что не план стать основателем города в Понте, а избрание верховным главнокомандующим всей армии, достижение «монархии»⁸⁸ было бы пиком восхождения Ксенофонта⁸⁹. Но разве может «монархия» сравниться с «основанием города» в величии, в священности?

На очередном солдатском собрании все выступавшие выразили идею избрания главнокомандующего всей армией, и после того, как она была одобрена, на эту должность предложили Ксенофонта. Дабы не допустить своего избрания, кажущегося неизбежным, Ксенофонту пришлось максимально ясно и жестко высказаться против него. Ведь боги уже все решили, но в речи, обращенной к армии, он поначалу умалчивает об этом. В начале он оставляет свои благочестивые соображения приватными, оставляет их себе. В публичной же речи он начинает говорить публично, политически, как политик. И причиной тому кажется следующее. Он не только хочет не допустить своего избрания, но и желает дать армии наставление по поводу того, кого ей следует избрать. Для этого наставления ему не было дано божественного указания. Он должен сделать выбор самостоятельно — точно так же, как в Дельфах он самостоятельно выбрал, принимать или не принимать приглашение Проксена. Ксенофонт не одобряет идею своего избрания в качестве главнокомандующего, при условии, что у армии есть возможность выбрать лакедемонянина. В данных обстоятельствах избрание Ксенофонта нецелесообразно ни для армии, ни для него самого. Лакедемоняне уже показали своим поведением в прошедшей войне, что они никогда не примут командования нелакедемонянина⁹⁰. Ксенофонт заверяет армию, что он не настолько глуп, чтобы в случае своего неизбрания внести в армию раскол: восстать против правителей во время войны — значит восстать против собственного спасения. Это внешне тривиальное наблюдение Ксенофонта относительно лакедемонского превосходства и стремления к нему никогда не стоит забывать. Оно помогает объяснить частично истинную, а частично предполагаемую проспартанскую направленность его произведений. Первая реакция на данное наблюдение Ксенофонта на деле оказалась антиспартанской. Невозможно сказать, была ли и до какой степени была

⁸⁷ Ксенофонт. Анабасис. III, 1, 12.

⁸⁸ Там же. VI, 1, 31.

⁸⁹ Ср. Ксенофонт. Киропедия. VIII, 2, 28; Аристотель. Никомахова этика. 1115a32.

⁹⁰ Ср. Ксенофонт. Анабасис. III, 2, 37.

эта реакция намеренно спровоцирована Ксенофонтом, дабы, быть может, предостеречь вспыльчивого лакедемонского кандидата от злоупотребления своей властью в случае избрания. Отсылка к Пелопоннесской войне также полезна и даже более чем полезна для указания на сомнительный характер верности Греции, как единственной или главной составляющей справедливости. Как бы то ни было, теперь Ксенофонт вынужден противодействовать результату своего внешне проспартанского шага. Клянясь всеми богами и богинями, теперь он заявляет, что боги, в совершенно понятной даже для профана манере, указали, что он — Ксенофонт — должен воздержаться от «монархии». Принятие должности обернулось бы злом не только для всей армии, но и, в частности, для Ксенофонта⁹¹. Ксенофону буквально не стоит и говорить о том, что в результате Хирисоф избирается единственным главнокомандующим. Он с радостью принимает оказанную ему честь и подтверждает подозрение Ксенофонта о том, что афинянину пришлось бы несладко с лакедемонянами. Тот факт, что выбор лежит только между Ксенофонтом и Хирисофом, показывает, что борьба за гегемонию внутри Греции все еще являлась борьбой между Спартой и Афинами, и следовательно, что отождествление справедливости с верностью Греции остается сомнительным.

На следующий день под командованием Хирисофа греки поплыли вдоль побережья к греческому городу Гераклею. Но солдатам все равно предстояло решить вопрос, стоит ли оттуда продолжить свое путешествие сушей или морем. Этот вопрос был неотделим от вопроса о том, как организовать снабжение армии. Один из тех людей, что противостоял Ксенофонову плану по основанию города, предложил потребовать денег от гераклеяцев: не стоит ли отправить в Гераклею Хирисофа, избранного руководителя, а, быть может, вместе с ним и Ксенофонта для этой цели? Но оба руководителя выступили строго против применения насилия по отношению к греческому городу. А потому солдаты избрали особое посольство. Но у гераклеяцев они встретили лишь ожесточенное сопротивление. Что привело к распространению мятежных настроений среди большинства греческих солдат, бывших ахейцами и аркадянами, которые отказались подчиняться лакедемонянину или афинянину. А потому они отделились от основной части армии и выбрали себе своих десять генералов. Так командование Хирисофа закончилось через неделю после его избрания: вот указание на кратковременность спартанской гегемонии. В ретроспективе видно, сколь хорош был совет богов Ксенофону об отказе от «монархии». Ксенофонт был недоволен разделением армии — разделением, которое, по его мысли, подвергало опасности все ее части. Но Неон — непосредственный заместитель Хирисофа⁹² — убедил Ксенофонта объединиться с Хирисофом и его отрядом, тем самым, которым руководил Клеарх-лакедемонянин под Византием. Ксенофонт последовал совету Неона, может быть, потому, что тот соответствовал пророческому указанию Геракла-Вождя. Насколько нам известно, это указание точно не подтверждалось размышлениями или догадками самого Ксенофонта. Но разве это на самом деле так? Ксенофонт раздумывал над тем, чтобы оставить армию и отплыть домой, но когда он принес жертвы Гераклу-Вождю и попросил его совета, бог указал, что ему следует остаться с солдатами. Было ли и до какой степени указание Геракла или чисто человеческое обоснование

⁹¹ Ср. Ксенофонт. Меморабиллии. I, 1, 8.

⁹² Ксенофонт. Анабасис. V, 6, 36.

Ксенофонта или Неона ключевым для принятия финального решения, сказать невозможно. Но в итоге вся армия разделилась на три части: аркадяне и ахейцы, солдаты Хирисофа и солдаты Ксенофонта. Каждая часть отправилась по направлению к Фракии различными путями.

Аркадяне (и ахейцы) ночью высадились в Кальпийской бухте. Они немедленно начали оккупировать близлежащие деревни, изобиловавшие добычей. На самом деле грекам досталось много добычи. Но когда фракийцы оправились от внезапной атаки, они убили значительное число нападавших и отрезали путь к отступлению для оставшихся. С другой стороны, Хирисоф, шедший вдоль берега, спокойно достиг Кальпы. Ксенофонт — единственный из греческих командующих, обладавший хоть какой-то кавалерией, узнал от своих всадников о судьбе аркадян. Тогда он созвал своих солдат и объяснил им, что ситуация требует, чтобы они пришли аркадянам на помощь. Может статься, — заключил он — бог желает устроить все так, чтобы самонадеянные были усмирены, а мы, чтящие богов, удостоились более славной судьбы. Конечно же, он совершил все необходимые приготовления. Тимасий с кавалерией должен был возглавить авангард. Все должно было выглядеть так, словно войска, освобождавшие окруженных аркадян, были куда больше, чем на самом деле. На следующее утро все первым делом помолились богам. В итоге — будь то желание бога, или совет Ксенофонта, или и то и другое вместе — все три части армии соединились в Кальпе, расположенной в Восточной Фракии. Этот регион был крайне плодородным и привлекательным, настолько, что возникло подозрение, будто кто-то, желающий основать город, намеренно привел сюда солдат⁹³. И все же большинство воинов присоединилось к походу Кира не из бедности, а для того, чтобы заработать денег и вернуться в Грецию богачами. Как бы то ни было, после провала аркадян вся армия решила, что впредь любое предложение разделиться будет караться смертной казнью и что избранные всей армией генералы должны вернуться к исполнению своих обязанностей. В дальнейшем ситуация упростилась из-за смерти Хирисофа, принявшего лекарство от горячки. Его преемником стал Неон. Вот так, непредсказуемым для людей образом, Ксенофонт стал «монархом», хотя план основать город оставался забытым, как и ранее. Однако вопрос о том, как превозмочь проблему монархии афинянина во время спартанской гегемонии, остался нерешенным. Правда, как мы почти тут же увидим, этот вопрос решится событием, которое можно счесть результатом деяния бога или результатом благочестия Ксенофонта.

Как затем объяснил Ксенофонт солдатскому собранию, армия должна продолжить свое движение по суше, ибо кораблей для этого нет, и начать двигаться надо немедленно, так как армии уже не хватает провизии. Однако жертвы оказались неблагоприятными. Это возродило подозрения в том, что Ксенофонт уговорил прорицателя солгать относительно жертв, ибо он все еще планировал основать город. Жертвы продолжали оказываться неблагоприятными, и Ксенофонт отказывался выводить армию даже для добычи провизии. Попытка Неона добыть провизию в близлежащих варварских деревнях закончилась катастрофой. В итоге провизию доставил корабль, приплывший из Гераклеи. Ксенофонт поднялся рано, дабы принести жертвы относительно продолжения похода, и на

⁹³ Ксенофонт. Анабасис. VI, 4, 7.

этот раз они оказались благоприятными. Приблизительно в то же самое время прорицатель увидел еще один добрый знак и потому подталкивал Ксенофонта начать поход против врагов (персов и их фракийских союзников). Никогда ранее боги так сильно не сопротивлялись намерениям греческой армии. Само собой разумеется, Ксенофонту выпало немало случаев воспользоваться своими военными и ораторскими навыками. В последующей битве греки оказались неоспоримыми победителями.

Пока греки все еще ждали прибытия Клеандра, они добывали провизию из близлежащих деревень, полных практически всеми благами. Более того, греческие города начали торговлю с их лагерем. И снова пошел слух, будто тут будет основан город и возведена бухта. Даже враги попытались установить дружеские отношения с этим новым городом, который якобы основал Ксенофонт, и с этой целью обращались к нему, но он мудро старался не выделяться.

В итоге прибыл Клеандр на двух триерах, но без единого торгового судна. Приплыл он в компании лакедемонянина Дексиппа, который совершил немало постыдного в Трапезунте. Из-за чего между Клеандром и Агасием — одним из избранных армией генералов — произошла жуткая ссора. Несмотря на все усилия Ксенофонта и остальных генералов, Клеандр принял сторону Дексиппа и объявил, что запретит всем городам принимать греческих наемников Кира, «ведь в это время лакедемоняне властвовали над всеми эллинами»⁹⁴. Клеандр потребовал выдачи Агасия. Но Агасий был другом Ксенофонта. Именно поэтому Дексипп и оклеветал Ксенофонта. Командующие созвали солдатское собрание, на котором Ксенофонт объяснил армии всю тяжесть сложившегося положения: каждый спартаец может делать в греческих городах все, что пожелает. Конфликт с Клеандром сделает невозможным для греческих наемников Кира ни остаться во Фракии, ни отплыть домой. Единственно возможный вариант — подчиниться власти лакедемонян. Сам Ксенофонт, которого перед Клеандром Дексипп объявил ответственным за квазивосстание Агасия, сдается на суд Клеандру и советует всем обвиненным поступить так же. Агасий клянется всеми богами и богинями, что действовал только по собственной инициативе: он следует примеру Ксенофонта, сдаваясь Клеандру. Благодаря вмешательству Ксенофонта конфликт мирно улаживается: он спас не только себя, но и, так сказать, всех своих товарищей сокомандующих, не только от персов и прочих варваров, но и от лакедемонян.

Персидский сатрап Фарнабаз подталкивал спартанского адмирала Анаксибия удалить греческую армию из Азии, ибо она, как ему казалось, представляла угрозу для его провинции. Анаксибий пообещал командующим принять армию в качестве наемников, если она переправится в Европу. Единственным человеком, воспротивившимся предложению Анаксибия, был Ксенофонт, но и он сдался, как только Анаксибий попросил его отложить свой отъезд из армии до окончания переправы. Затем солдаты вошли в Византий, но Анаксибий не выплатил им обещанных денег. С другой стороны, он хотел воспользоваться услугами наемников в войне с фракийским царем Севфом. Ему удалось убедить наемников покинуть город до того, как они поняли, что им ничего не заплатят. После чего они силой вернулись в город. Наметился страшный конфликт. Но тут, думая не только о Византии и армии, но и о себе самом, в дело вмешался Ксенофонт.

⁹⁴ Там же. VI, 6, 9.

Когда солдаты его увидели, то сказали, что пришло его время: «В твоей власти город, триеры, богатства и великое множество людской силы». Сначала он попытался их успокоить, затем, когда ему это удалось, он созвал собрание армии и сказал следующее: отомстив лакедемонянам за обман, совершенный несколькими из них, и разграбив ни в чем не повинный город, они лишь сделают всех лакедемонян и всех их союзников, т. е. всех греков, своими врагами. Опыт Пелопоннесской войны всем показал, сколь безумны такие намерения и действия. Они приведут лишь к безнадежной войне между маленькой армией наемников и всей мощью Греции, которая находится под спартанским контролем. Справедливость целиком на стороне лакедемонян, ибо несправедливо мстить лакедемонянам за обман, предпринятый несколькими из них, и разграбить ни в чем не повинный город — первый греческий город, в который они вошли силой, — и это при том, что они не тронули ни один из варварских городов. Сами наемники станут изгнанниками своего отечества и потому своих малых родин и даже врагов своих малых родин. Он склоняет их к мысли о том, что, будучи греками, они подчиняются тем, кто правит греками, и потому должны попытаться защитить свои права. Если же они сделать этого не смогут, то, по крайней мере, смогут избежать изгнания из Греции. По просьбе Ксенофонта армия решила послать Анаксибию весть о своей покорности. Ксенофонт знал и когда надо сопротивляться, и когда надо подчиняться. Так уж случилось, что, в конце концов, из-за предательства персов даже те греки, что были готовы ценить Кира выше Греции, были вынуждены воздать ей должное. Однако — не говоря ничего о справедливости похода Кира против собственного брата — это еще не все.

Ответ Анаксибия не был особо милостивым. Что дало одному фиванскому авантюристу возможность попытаться саботировать предложенное Ксенофонтом соглашение. Однако в итоге Ксенофонт сам покинул Византий в сопровождении Клеандра. Сразу после этого среди генералов возникло разногласие по поводу того, куда должна идти армия. Это привело к ее частичному распаду — на радость Фарнабаза, а потому и Анаксибия. Но Анаксибий вскоре должен был сдать свой адмиральский пост преемнику, из-за чего Фарнабаз перестал уделять ему должное внимание. А потому Анаксибий попросил Ксенофонта вернуться в армию и любыми средствами заставить большинство наемников Кира переправиться обратно в Азию. Солдаты радушно приняли Ксенофонта, ибо были счастливы отправиться из Фракии в Азию. Учитывая антиспартанские настроения в армии, соблюдать верность Спарте и потому Греции было не просто, если не сказать совершенно невозможно.

В этой ситуации Севф возобновил предыдущую попытку переманить Ксенофонта на свою сторону. Клеанор и еще один генерал и так уже хотели повести армию к Севфу, получившему их расположение с помощью подарков, но Ксенофонт не поддался ему. Новый спартанский командующий в Византии — Аристарх — запретил наемникам Кира возвращаться в Азию. Ксенофонту пришлось страшиться как предательства спартанского командующего, так и предательства персидского сатрапа. А потому он обратился к богу за советом о том, не следует ли ему повести армию к Севфу. Учитывая, что интриги Анаксибия против Ксенофонта стали теперь открытыми, а жертвы оказались благоприятными, он решил, что ему и армии будет безопаснее всего присоединиться к Севфу. При первой встрече Ксенофонт и Севф объяснили друг другу, какой именно

помощи они ждут от противной стороны. Ксенофонта особенно волновало то, какую защиту от лакедемонян мог бы предложить наемникам Севф. На солдатском собрании Ксенофонт перед принятием общего решения рассказал, что им предлагал Аристах, а что Севф. Он также посоветовал им незамедлительно добыть провизии из близлежащих деревень, в которых они бы смогли сделать это, ничего не опасаясь. Большинство солдат сочло, что в текущих обстоятельствах предложение Севфа было предпочтительнее. Так наемники Кира стали наемниками Севфа. Но вскоре стало ясно, что Севф не был до конца честен с ними. Он пригласил командующих на пир, при этом ожидая получить от них — и особенно от Ксенофонта — подарки перед его началом. Что было совсем неловко для Ксенофонта, ибо на тот момент он буквально был без гроша в кармане. И все же, когда подошла его очередь дарить, он уже успел выпить, что позволило ему найти изящный выход из сложившейся ситуации.

Ксенофонт и его греки честно выполнили свою часть сделки с фракийскими союзниками. Они сделали все необходимое для того, чтобы помочь Севфу подчинить его фракийских врагов. И это при жутком холоде фракийской зимы. Однако же друг или подчиненный Севфа Гераклид попытался обмануть греческих наемников, лишив их части заработанного. Затем, когда Ксенофонт раскрыл это, он подговорил против него Севфа и попытался склонить генералов изменить Ксенофонту. Ксенофонт начал сомневаться в том, разумно ли будет поддерживать союз с Севфом. Вдобавок, поняв, что платы в ближайшее время не будет, солдаты стали злиться на Ксенофонта. К тому моменту прибыли лакедемоняне Хармин и Полиник, посланные Фиброном, дабы оповестить армию о том, что лакедемоняне планируют поход против Тиссаферна, для чего им срочно нужна армия бывших наемников Кира. Это дало Севфу прекрасную возможность одновременно избавиться и от наемников, и своих долгов перед ними. На солдатском собрании двое лакедемонских послов высказали свое предложение, которое очень понравилось воинам, но один из аркадян прямо обвинил Ксенофонта, который якобы был ответственен за присоединение наемников к Севфу и заполучил от него все средства, добытые солдатским трудом; за что заслуживает смерти. Восхождение Ксенофонта наконец-то привело его к низшей точке падения. Но разве не придется сказать, что защита Ксенофонта, которая ссылается на всем известные дела и речи его, невероятно легче и в то же время невероятно эффективнее, чем защита Сократа? В последнее мгновение Севф попытался не допустить примирения Ксенофонта с лакедемонянами, оклеветав последних. Но Зевс-Царь, к которому обратился Ксенофонт, развеял все подозрения.

Затем следует несколько сомнительное примирение между Ксенофонтom и Севфом и, в результате его достижения, выплата долга наемникам, а потому несомненное примирение Ксенофонта со всеми наемниками и с лакедемонянами. В итоге Ксенофонт делом показал, что он ценил Грецию выше Кира и прочих варваров⁹⁵. Он не смог показать, что ценил отечество выше Кира или Спарты, ибо Афины изгнали его⁹⁶, как он сам нам говорит, впрочем, не упоминая тому причин. Могло ли недоброе предчувствие Сократа относительно приглашения Проксена быть оправдано всем «Анабасисом»?

⁹⁵ Ксенофонт. Анабасис. III, 1, 4.

⁹⁶ Там же. V, 3, 7; V, 6, 22; VII, 7, 57.

Сразу же после этого Ксенофонт начинает участвовать в войне против персов, ставя своей целью захват добычи. В этом деле он оказывается довольно успешен.

Плотность отсылок к божеству, клятв и в особенности клятв формальных, произнесенных самим Ксенофонтom, в седьмой книге выше, чем во всех предыдущих книгах.

Литература

Aristophanes. *Knights* / Trans. from an. Greek B. B. Rogers // *The Acharnians. The Clouds. The Knights. The Wasps.* — Harvard: Harvard University Press, 1986. — P. 137—333.

Aristotle. *Nicomachean Ethics* / Trans. from an. Greek H. Rackham. — Harvard: Harvard University Press, 1934. — 688 p.

Herodotus. *The Persian Wars, Volume I: Books 1–2* / Trans. from an. Greek A. D. Godley. — Harvard: Harvard University Press, 1920. — 528 p.

Plato. *Gorgias* / Trans. from an. Greek W. R. M. Lamb // *Lysis. Symposium. Gorgias.* — Harvard: Harvard University Press, 1997. — Pp. 247–533.

Plato. *Meno* / Trans. from an. Greek W. R. M. Lamb // *Laches. Protagoras. Meno. Euthydemus.* — Harvard: Harvard University Press, 1997. — Pp. 259–371.

Plato. *Republic, Volume I: Books 1–5* / Trans. from an. Greek C. Emlyn-Jones & W. Preddy. — Harvard: Harvard University Press, 2013. — 656 p.

Plato. *Republic, Volume II: Books 6–10* / Trans. from an. Greek C. Emlyn-Jones & W. Preddy. — Harvard: Harvard University Press, 2013. — 560 p.

Plato. *Symposium* / Trans. from an. Greek W. R. M. Lamb // *Lysis. Symposium. Gorgias.* — Harvard: Harvard University Press, 1997. — Pp. 73–245.

Plato. *Theages* / Trans. from an. Greek W. R. M. Lamb // *Charmides. Alcibiades I and II. Hipparchus. The Lovers. Theages. Minos. Epinomis.* — Harvard: Harvard University Press, 1927. — Pp. 341–383.

Strauss L. *Xenophon's Socrates.* — New York: Cornell University Press, 1972. — 181 p.

Thucydides. *History of the Peloponnesian War. Books I and II* / Trans. from an. Greek C. Smith. — Harvard: Harvard University Press, 1956. — 461 p.

Xenophon. *Anabasis* / Trans. from an. Greek C. Browson. — Harvard: Harvard University Press, 1998. — 672 p.

Xenophon. *Apology* / Trans. from an. Greek E. C. Marchant // *Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology.* — Harvard: Harvard University Press, 2013. — Pp. 663–689.

Xenophon. *Cyropaedia: The Education of Cyrus* / Trans. from an. Greek G. Dakyns. — London: Dodo Press, 2008. — 272 p.

Xenophon. *Hellenica: Books 1–4* / Trans. from an. Greek C. Browson. — Harvard: Harvard University Press, 1918. — 400 p.

Xenophon. *Hellenica: Books 5–7* / Trans. from an. Greek C. Browson. — Harvard: Harvard University Press, 1921. — 368 p.

Xenophon. *Hiero* / Trans. from an. Greek E. C. Marchant // *Scripta Minora.* — Harvard:

Harvard University Press, 1968. — Pp. 1–57.

Xenophon. Memorabilia / Trans. from an. Greek E. C. Marchant // Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology. — Harvard: Harvard University Press, 2013. — Pp. 1–377.

Xenophon. Oeconomicus / Trans. from an. Greek E. C. Marchant // Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology. — Harvard: Harvard University Press, 2013. — Pp. 379–557.

Xenophon. Symposium / Trans. from an. Greek E. C. Marchant // Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology. — Harvard: Harvard University Press, 2013. — Pp. 559–661.

References

Aristophanes. Knights. The Acharnians. The Clouds. The Knights. The Wasps. Harvard: Harvard University Press, 1986. Pp. 137–333.

Aristotle. Nicomachean Ethics. Harvard: Harvard University Press, 1934. 688 p.

Herodotus. The Persian Wars, Volume I: Books 1–2. Harvard: Harvard University Press, 1920. 528 p.

Plato. Gorgias. Lysis. Symposium. Gorgias. Harvard: Harvard University Press, 1997. Pp. 247–533.

Plato. Meno. Laches. Protagoras. Meno. Euthydemus. Harvard: Harvard University Press, 1997. Pp. 259–371.

Plato. Republic, Volume I: Books 1–5. Harvard: Harvard University Press, 2013. 656 p.

Plato. Republic, Volume II: Books 6–10. Harvard: Harvard University Press, 2013. 560 p.

Plato. Symposium. Lysis. Symposium. Gorgias. Harvard: Harvard University Press, 1997. Pp. 73–245.

Plato. Theages. Charmides. Alcibiades I and II. Hipparchus. The Lovers. Theages. Minos. Epinomis. Harvard: Harvard University Press, 1927. Pp. 341–383.

Strauss L. Xenophon's Socrates. New York: Cornell University Press, 1972. 181 p.

Thucydides. History of the Peloponnesian War. Books I and II. Harvard: Harvard University Press, 1956. 461 p.

Xenophon. Anabasis. Harvard: Harvard University Press, 1998. 672 p.

Xenophon. Apology. Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology. Harvard: Harvard University Press, 2013. Pp. 663–689.

Xenophon. Cyropaedia: The Education of Cyrus. London: Dodo Press, 2008. 272 p.

Xenophon. Hellenica: Books 1–4. Harvard: Harvard University Press, 1918. 400 p.

Xenophon. Hellenica: Books 5–7. Harvard: Harvard University Press, 1921. 368 p.

Xenophon. Hiero. Scripta Minora. Harvard: Harvard University Press, 1968. Pp. 1–57.

Xenophon. Memorabilia. Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology. Harvard: Harvard University Press, 2013. Pp. 1–377.

Xenophon. Oeconomicus. Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology. Harvard: Harvard University Press, 2013. Pp. 379–557.

Xenophon. Symposium. Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology. Harvard: Harvard University Press, 2013. Pp. 559–661.

Xenophon's «Anabasis»

Strauss L.

Abstract: At the end of his life Leo Strauss (1899–1973) started to devote additional attention to his interpretation of philosophy of Socrates' pupil — Xenophon of Athens. During 1969–70 in St. John's College he made a lecturing course on Xenophon's «Oeconomicus» and «Memorabilia». After it he publishes two of his last intravital books: «Xenophon's Socratic Discourse. An Interpretation of the “Oeconomicus”» (1970) — in which he interprets the «Oeconomicus» and «Xenophon's Socrates» (1972) — in which he interprets the «Memorabilia», «Apology», and «Symposium». Yet, Strauss did not stop there. He wants to complete his scholarly work on Xenophon's philosophy and thus turns to the «Anabasis», writing an article about the book. Unfortunately, he was not able to publish it. The article comes out after his death, in 1975 through the efforts of the philosopher's circle. That article is in front of you. In Strauss' customary manner it looks like a consecutive short summary of Xenophon's «Anabasis» sprinkled here and there with some valuable remarks and findings. In fact, this enigmatic stile of reasoning gives one keys to the understanding of Xenophon's philosophy, which allow one to see behind a «historical novel» a truly philosophical work that raises pivotal for the classical political philosophy questions. Among them the problem of human rule, human virtue, and divine meddling.

Keywords: Leo Strauss, Socrates, Xenophon, monarchy, virtue, war.

Краткая информация о переводчике

Ф. И. О.: Мишури́н Александр Николаевич

Ученая степень: кандидат политических наук

Место работы: Институт философии (РАН). Сектор истории политической философии

Должность: научный сотрудник

E-mail: politconvers@gmail.com

Name: Mishurin Aleksandr

Academic degree: PhD in Political Science

Workplace: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Department of the History of Political Philosophy

Position: Research Fellow

E-mail: politconvers@gmail.com